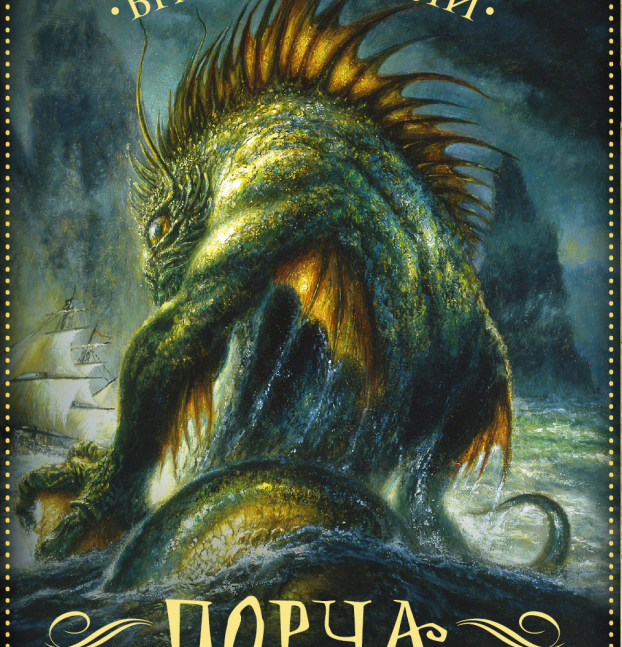
МИФЫ КТУЛХУ

БРАЙАН ЛАМЛИ



ПОРЧА
И ДРУГИЕ ПОВЕСТИ

Брайан Ламли
Мифы Ктулху. Порча и другие повести
Серия «Мастера магического реализма (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35209608
Мифы Ктулху: Порча и другие повести [фантастические произведения] / Брайан Ламли: АСТ; Москва; 2018
ISBN 978-5-17-107711-2

Аннотация

Мифы Ктулху. Целая вселенная, созданная величайшим писателем-визионером первой половины XX века – Говардом Филлипсом Лавкрафтом. Вселенная, где путь между миром человеческим и миром Великих Древних – непознаваемых вечных существ, проникнутых безграничной злобой (или полнейшим безразличием?) к смертным – открыт практически постоянно. Вселенная, где идет беспрестанная борьба между Светом и Тьмой. Ибо несть числа Темным Богам, и велика сила Ктулху. Прислушайтесь, и вы услышите его голос.

Этот голос звучал в ушах многих талантливых писателей – Роберта Ирвина Говарда и Кларка Эштона Смита, Огюста

Дерлета и Лина Картера, Генри Каттнера и Алана Дина Фостера, Колина Уилсона и Рэмси Кэмпбелла, Роберта Блоха и Томаса Лиготти, Стивена Кинга и Нила Геймана, – однако мало кто из них смог передать услышанное столь полно, как признанный мастер литературы ужасов, лауреат Всемирной премии фэнтези и Премии Брэма Стокера за заслуги перед жанром Брайан Ламли.

Содержание

Введение 6
Ужас в Оукдине 12
Рожденный от ветра 63
Конец ознакомительного фрагмента. 133

Брайан Ламли
Мифы Ктулху: Порча и другие повести
Фантастические произведения

Brian Lumley
The Taint and Other Novellas. Best Mythos Tales, Volume One
The Taint and Other Novellas Copyright
© 2007 by Brian Lumley.
Cover art Copyright © 2007 by Bob Eggleton.
© Бушуева Т.С., перевод на русский язык, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Введение
Мифы Ктулху

Всего два простых слова, но есть в них что-то загадочное и манящее. Представьте, что они встретились вам на книжной странице впервые в жизни. А еще лучше, постарайтесь вспомнить, когда именно вы в первый раз наткнулись на них в романе или рассказе ужасов. И даже если предположить, что раньше вам никогда не доводилось слышать ни о Говарде Филипсе Лавкрафте, ни о его знаменитом поклоннике и издателе Огюсте Дерлете, ни об издательстве *Arkham House* и легендарном журнале *Weird Stories*, ни о литературном окружении Лавкрафта, его поздних подражателях и «литературных учениках», уверен, вас все равно поразили – или хотя бы заставили задуматься – эти слова: «Мифы Ктулху? Что это, черт побери, за мифы такие?»

Как описать или объяснить новичку, только-только начинающему знакомиться с литературой ужасов (а вы наверняка новичок), что самое важное в жутковатой мифологии Ктулху – это звукоряд, образующий его Имя? (Со всей серьезностью советуем запомнить, что его можно просвистеть или прошипеть.)

Нет, в задачи этого короткого вступления не входит излагать вам Мифы Ктулху во всех подробностях. Многие ува-

жаемые люди сделали это до меня в многочисленных статьях и книгах, так что вряд ли вы приобрели бы сей опус, если бы не имели хотя бы какого-то представления о литературном наследии Г. Ф. Лавкрафта. Но если и после того, как вы прочтете повести этого сборника, Мифы все равно останутся для вас загадкой, – искренне надеюсь, что будет все-таки иначе, – то отсылаю вас к первоисточникам: к самому Г. Ф. Лавкрафту, Кларку Эштону Смиту, Роберту Говарду, Огюсту Дерлету (естественно), Колину Уилсону, Рэмси Кэмпбеллу и целому полчищу других писателей, включая многих авторов, сотрудничающих с *Arkham House*, и даже к Стивену Кингу (особенно к его рассказу «Крауч-Энд»). Все они в свое время «припадали к источнику», то есть к Мифам Ктулху – так же, смею заметить, как и десятки, если не сотни других литераторов, в основном любителей, чьи самородки из рудничных отвалов мифов часто не лишены очарования и таинственности, присущих исходному материалу.

Но что же это был за материал? Строго говоря, речь не столько о жанре ужасов, сколько о разновидности научной фантастики, суть которой можно изложить в следующих словах.

На Земле и в граничащих с ней измерениях тайно пребывают в тысячелетнем плену, нередко погруженные в сон, чужеродные сущности, проникнутые безграничной злобой (или полнейшим безразличием?) к нам, землянам. Их телепатические сны проникают в разум артистических, чув-

ствительных, нередко психически «хрупких» натур, побуждая тех нарушить границы – как реальные, так и метафизические, – которые удерживают этих Великих Древних в неведомых (затопленных, похороненных в земле либо спрятанных в других измерениях) гробницах и других «обиталищах».

В том, что касается самого Ктулху, скажу следующее: лучшее ЕГО описание можно найти в рассказе Лавкрафта «Зов Ктулху», и любой новоиспеченный поклонник творчества этого писателя, который еще не открыл ЕГО для себя, должен немедленно это сделать! Да-да, прямо сейчас!

Лично я познакомился с мифами в возрасте тринадцати или четырнадцати лет, прочитав рассказ Роберта Блоха, автора знаменитого «Психо» (правда, «Психо» – не единственный его шедевр). Назывался он «Записки, найденные в пустом доме». После этого в течение семи-восьми лет, уже в других образцах жанра ужасов, мне постоянно попадались намеки, предполагавшие некое переплетение взаимосвязанных нитей – сложную литературную канву, своего рода паутину, загадочным образом сотканную из близких сюжетов небольшой группы несопоставимых авторов. Это была, конечно, ткань – или, если угодно, моток пряжи – самих Мифов Ктулху, хотя в то время мне и не удалось проследить четкую связь. (Еще один штрих, который я проглядел – на него мне указал сотрудник прославленного издательства *DAW Books* Дональд Волльхайм, – заключался в следующем: я появился на свет 2 декабря 1937 года, то есть через девять

месяцев после смерти Лавкрафта. Волльхайм счел эту хронологию, или даже синхронность, любопытной, хотя лично я вижу в ней лишь простое совпадение.)

Позднее, уже будучи молодым солдатом, призванным на службу и расквартированным на военной базе в Германии, я нашел сборник Лавкрафта, озаглавленный «Крик ужаса» (британское название коллекции рассказов, первоначально выпущенной в США издательством *Arkham House*). Неожиданно все смутные намеки и аллюзии оформились в моем сознании в единую литературную концепцию, выдающийся плод писательского воображения, именуемый Мифами Ктулху! Однако…

Собственный стиль я тогда еще не выработал, и прошло несколько лет, прежде чем плетение этой паутины увлекло и меня…

В одном из предисловий Огюст Дерлет назвал меня «молодым британским автором», но это мало соответствовало истине. Мне было уже двадцать девять, когда – собрав все книги Лавкрафта, которые вообще можно было достать в Англии, – я написал Дерлету в *Arkham House*, чтобы заказать новые. Вместе с деньгами я выслал «отрывки» из нескольких «черных книг», причудливо озаглавленных и якобы дошедших до нас от давно исчезнувших цивилизаций, чьи представители почитали (либо страшились) разного рода «богов» и «демонов» ктулхианского цикла. Эти «запретные» книги были порождением моей фантазии (вдохновлялся я приме-

ром самого Лавкрафта и прочих авторов), и Дерлету они, похоже, пришлись по душе. Он намекнул, что мне стоит «еще попрактиковаться» и написать «что-нибудь солидное в духе мифов» для антологии, которую он собрался назвать «Сказания Мифов Ктулху». Как вы догадываетесь, я откликнулся на это предложение, не раздумывая!

Почему я не пытался писать раньше? Вообще-то кое-какой опыт у меня уже имелся: мальчишкой двенадцати-тринадцати лет я сочинял научно-фантастические рассказики и зачитывал их моему отцу-горняку. Он, человек умный, знающий, но очень практичный и приземленный, комментировал их так: «Все прекрасно, сынок, да вот только словами денег не заработаешь». Он просто никак не мог взять в толк, что можно зарабатывать на хлеб писательским трудом. Кроме того, следует признать: в то время подавляющему большинству писателей платили чрезвычайно скудно.

Как бы то ни было, но в возрасте двадцати девяти лет я начал сотрудничать с Дерлетом и написал немало произведений в духе Лавкрафта. Мои первые опусы густо пропитаны фантастикой Мифов Ктулху. Именно оттуда и берут свое начало почти все повести настоящего сборника. Должен заметить, что не все мои работы, связанные с мифами, так же хороши, как творения Лавкрафта; в то же время их нельзя назвать и рабскими подражаниями, вроде вещей, написанных Дерлетом «в соавторстве» с учителем. Хотя я и пользуюсь в своем творчестве идеями великого мастера, для меня

важно сохранить собственную интонацию.

Мои произведения данного жанра представлены двумя литературными формами: повести и рассказа. Книга, которую вы держите в руках, первая из двухтомника. В ней представлены короткие повести. Во втором томе будут собраны рассказы на тему мифов, которые я посчитал достойными вынести на читательский суд в твердой обложке. Повести приведены не в порядке их написания, однако специально для интересующихся читателей я снабдил каждую предисловием, в котором кратко поясняю, когда, где и для чего они создавались.

Впрочем, сказал я уже достаточно, давайте же позволим Мифам Ктулху самим поведать о себе…

Брайан Ламли

Ужас в Оукдине

Огюст Дерлет опубликовал мои первые рассказы в 1968 году, так что в первой половине 1970-х годов я еще считался новичком в литературе. Я все еще служил в британской армии, в городе Лестере. Эта новелла была выпущена (в конечном итоге) издательством Arkham House*, но мне пришлось ждать целых семь лет, прежде чем я увидел ее в твердой обложке – в антологии, давно уже не переиздававшейся. «Ужас в Оукдине» – типичная работа дебютанта, находящегося под сильным влиянием Лавкрафта, и одна из нескольких повестей, которые не переиздавались до настоящего времени…*

Летом 1935 года Мартин Спеллман в качестве помощника санитара устроился в клинику для душевнобольных в Оукдине. Ему было двадцать четыре года, и он уже имел одно пристрастие, с обязанностями санитара никак не связанное. Еще с отроческих лет Спеллман мечтал стать писателем. С тех пор как эта чудна`я мысль пришла ему в голову, он взялся за сочинение рассказов, в основу которых думал положить редкие, необъяснимые случаи душевных болезней. Единственный же способ приобрести соответствующие знания, а также получить необходимый опыт, что называется, из первых рук – это поработать в психиатрической лечебни-

це, что он и решил сделать.

Разумеется, свои истинные намерения Спеллман от окружающих скрывал, хотя это отнюдь не означало, что он собирался работать спустя рукава, манкируя возложенными на него обязанностями. Заключенный с клиникой контракт предусматривал как минимум двенадцать месяцев работы в качестве практиканта плюс еще год самостоятельного труда в должности санитара. Мартина такие условия вполне устраивали, и он с радостью за них ухватился.

Его коллеги и медицинское начальство диву давались, с каким непривычным пылом юный практикант взялся за выполнение служебных обязанностей. Каждую ночь, когда он не был занят на дежурстве, в его комнате горел свет – и не гас до самого рассвета. Мартин распределял свободное от работы время следующим образом: три часа изучал теорию психиатрии, пять часов отдавал написанию книги. На сон при таком режиме отводилось не больше шести часов в сутки. Во время ночных дежурств – один-два раза в неделю – он перекраивал рабочий график так, чтобы уделять вышеназванным занятиям не меньшее время.

В конце лета и начале осени непосредственный начальник Мартина, доктор Уэлфорд, не раз заставал юношу за работой над рукописью. Но кто станет жаловаться на практиканта за то, что тот по собственной инициативе ведет учет случаев необычных и сложных заболеваний? Если уж на то пошло, можно было только приветствовать искренний интерес Мар-

тина к мельчайшим подробностям повседневной жизни клиники.

На самом же деле Спеллман скоро понял, что ему не по душе работа в лечебнице. Особое отвращение вызывали у него ночные дежурства, когда приходилось курсировать по нижним коридорам здания, где содержались неизлечимые пациенты. Его коллеги, наделенные более суровым, стоическим характером, называли подвальное помещение не иначе как Преисподней, и Мартин Спеллман их поддерживал. Внизу действительно находилась преисподняя: ярко, до рези в глазах, освещенные коридоры, массивные двери с крошечными, забранными решеткой «глазками» и табличками, к которым были прикреплены отпечатанные на машинке выдержки из истории болезни обитателя каждой такой камеры-палаты. За этими дверями, отделенные от Мартина лишь толщей дубовых панелей, металлических поперечных реек и внутренней прорезиненной обшивки, обитали в вечном кошмаре безумия самые жуткие душевнобольные Британии. Неудивительно, что, совершая каждый час во время ночного дежурства обходы Преисподней, Мартин Спеллман предпочитал не задерживаться в ней подолгу.

Один из так называемых коллег Мартина, Алан Барстоу (коренастый, уродливой внешности санитар лет тридцати пяти), иногда помогал младшему товарищу во время этих обходов. Барстоу, судя по всему, не боялся той части клиники, по которой проходил маршрут ночного дежурства. На-

против, зловещая атмосфера психиатрической лечебницы и особенно подвальных ее помещений, казалось, доставляла ему удовольствие. Он частенько менялся с Мартином дежурствами, объясняя это тем, что якобы не возражает против ночной работы и, более того, предпочитает ночные смены дневным. Что ж, каждый человек имеет право на личные вкусы и пристрастия!

Служебная комната Спеллмана находилась на первом этаже здания – одна из четырех, являвших собой нечто среднее между гостиной и спальней; от двух соседних палат для душевнобольных ее отделяли крепкие звуконепроницаемые стены. Поскольку дела с набором персонала в Оукдине обстояли из рук вон плохо, две такие комнаты пустовали уже долгое время. Вторая же из обитаемых принадлежала Гарольду Муди, опытному санитару средних лет, чья частичная глухота была ему даже на руку, ибо его клетушка располагалась непосредственно над Преисподней. А пол на первом этаже явно не обладал свойством звукоизоляции! В принципе доносившиеся снизу звуки не слишком беспокоили Мартина Спеллмана, однако он заметил, что обитатели подвального отделения становились на редкость шумными всякий раз, как на дежурство выходил Алан Барстоу. В таких случаях крики, вопли и стоны набирали такую силу, что доставляли ему немалое неудобство, иногда не давая уснуть до четырех-пяти часов утра.

Так получилось, что однажды Мартина и Алана Барстоу

отрядили вместе на ночное дежурство, хотя, сказать по правде, юношу это не обрадовало. Несмотря на внешнее дружелюбие, было в Барстоу что-то неуловимо отталкивающее. Тем не менее смена началась как обычно, в девять часов вечера, и ничто в манерах Барстоу не давало Спеллману повода заподозрить коллегу в чем-то дурном и предосудительном.

Правила ночного дежурства обязывали санитаров обходить все до единого помещения и проверять их обитателей, причем по возможности ежечасно. Мартину Спеллману достались палаты на первом этаже и Преисподняя, Барстоу же – палаты, в которых содержались более спокойные, главным образом временные пациенты. В одиннадцать часов, когда санитар-практикант собрался во второй раз спуститься в жуткий подвал с его невнятным бормотанием, стонами и проклятиями, он услышал, как сверху его кто-то окликнул по имени.

– Спеллман! Задержитесь на минутку! – донесся голос Барстоу. Обратив взгляд на лестничную площадку второго этажа, наш практикант увидел коренастого санитара. Тот быстро спускался вниз. В руке у Барстоу была черная палка примерно восемнадцати дюймов длиной и с серебристым наконечником. Подойдя ближе к Спеллману, санитар, однако, сообразил, что тот не сводит глаз с его оружия, и тут же прижал папку к себе, чтобы она не так привлекала внимание.

– На работу нужно приходить в полной боеготовности, – пробормотал он с фальшивой улыбкой и остановился возле

Спеллмана. – Послушай, Мартин, – быстро сменил тему разговора Барстоу. – Я знаю, ты не большой любитель наведываться с обходом в нижние палаты и Преисподнюю, так что если хочешь, я могу сходить туда за тебя, а ты вместо меня отправишься наверх. Я как раз собирался заглянуть в палату номер четыре, так что, если желаешь, я мог бы…

– В палату помер четыре? Я, в общем, не против… но зачем вам это, Барстоу? – Мартин указал на дубинку, которую его собеседник почти успел спрятать в складках белого халата. – То есть, я хотел сказать, им ведь так и так отсюда не сбежать?

– Не сбежать, – подтвердил Барстоу, отводя взгляд в сторону. – Просто я чувствую себя… как-то уверенней с этой штукой. Ведь никогда не знаешь, чем все обернется, верно я говорю?

Поднимаясь по лестнице, Спеллман все размышлял о дубинке старшего коллеги. Если кто-нибудь из руководства клиники узнает о ней, Барстоу ждут нешуточные неприятности. Впрочем, вряд ли он способен чем-то навредить пациентам: даже если дубинку просунуть в глазок смотрового окошка, обитателю палаты достаточно лишь прижаться к задней стене, чтобы избежать побоев. Нет, очевидно, санитар не лжет: палка придает ему уверенности в себе, только и всего.

Но тотчас же Спеллману вспомнились крики, которые он слышал всякий раз, как в подвальных помещениях дежурил

Барстоу. Более того, и в ту ночь – даже когда он находился на втором этаже, в незапертых палатах смирных пациентов и в коридорах между ними – до Мартина долетали из Преисподней приглушенные, сдавленные звуки…

Ближе к концу октября поиск материалов для будущей книги привел Мартина Спеллмана к особой категории случаев – помрачениям ума, вызванным воображаемыми «чужеродными» силами. Он разглядел между несколькими документально подкрепленными случаями четкую связь – связь, которая была особенно интересна тем, что фантазии, мечты и навязчивые идеи пациентов походили друг на друга как две капли воды.

Взять, к примеру, пресловутый случай Джо Слейтера [1], охотника из Катскильских гор, лунатические действия которого в 1900–1901 годах, похоже, имели причиной воздействие не столько луны, сколько некоего небесного тела, находившегося далеко от орбиты спутника Земли. Правда, на взгляд Спеллмана, достоверность этого случая была подпорчена настойчивыми утверждениями летописца событий, что на самом деле в Слейтера вселилось сознание какого-то инопланетного существа. Кроме того, Мартин познакомился с историей немецкого барона Эрнста Канта, который вплоть до своей ужасной и необъяснимой смерти в одном из сума-

---

[1] Персонаж фигурирует в раннем рассказе Г. Ф. Лавкрафта «По ту сторону сна». – *Здесь и далее примеч. ред.*

сшедших домов Вестфалии верил, что всеми его безумными поступками руководит некое существо, называемое им «Йиб-Тстл». А вот как выглядел этот Йиб-Тстл: «…огромное, черное, с извивающимися грудями-щупальцами и анусом на лбу, существо с черной кровью, чей мозг насыщается собственными испражнениями…»

Помимо этого, Мартину попались и совсем недавние наблюдения доктора Дэвида Стивенсона за некой Дж. М. Фрит, женщиной-зоофагом, которая заявляла, что намерена поглотить столько живых существ, сколько влезет. Сначала она, подобно Ренфилду Брэма Стокера, скармливала мух паукам, пауков ласточкам – и, наконец, пожирала этих самых ласточек! Как и стокеровский маньяк, она просила себе кошку, но по понятным причинам в просьбе было отказано. Странные фантазии этой сумасшедшей проистекали из ее убежденности в том, что за ней следит некое сверхъестественное «божество», которое в конечном итоге освободит ее. Навязчивые идеи мисс Фрит и ее маниакальное стремление пожирать живые существа были отнюдь не единственными в свое роде: Мартину попалось еще несколько подобных случаев.

И снова, на сей раз из архивов некоего сумасшедшего дома в США, юноша извлек еще одну ужасную историю – о пациенте, который до своего бегства и последующего исчезновения семь лет назад, в 1928 году, был полностью уверен в собственном бессмертии, а также в том, что «вечно пребудет в У’ха-нтхлей, среди великолепия и чудес…» Его судь-

бу (в чем он ничуть не сомневался) определили «Глубоководные, Дагон и Повелитель Ктулху» – последнего он вечно будет прославлять, а первым – исправно служить, что бы ни значили эти имена! Объяснение причудливым фантазиям больного все-таки нашлось. Он имел явно выраженную рыбоподобную внешность – выпученные глаза, чешуйчатую кожу. Врачи пришли к выводу, что эти физические аномалии подтолкнули его к излишне частым и продолжительным погружениям в мифы и легенды, в которых фигурировали боги океана. В этой связи представлялось вполне вероятным, что его «Дагон» был тем самым божеством в обличье рыбы, которое филистимляне и финикийцы знали под именем Оанн.

Таким образом, по мере того как одна неделя сменяла другую, изыскания Мартина Спеллмана принимали все более специфический и узконаправленный характер. Однако даже в самых смелых мечтах он не мог предположить, что в одной из палат Преисподней находится человек, история болезни которого была столь же странной, как и случаи, изученные им во время работы над будущей книгой…

В середине ноября, прослышав о новом курсе, который приняли исследования практиканта, доктор Уэлфорд пригласил Спеллмана ознакомиться с историей болезни Уилфрида Ларнера. Ларнер, на вид самый тихий и беззлобный обитатель Преисподней, мог в считаные мгновения превратиться в дикое, неуправляемое животное. Кроме того, слу-

чай Ларнера, по-видимому, уходил корнями как раз в те «чужеродные» сферы, которые так волновали Мартина.

Вот как получилось, что Мартин Спеллман – сидя в своей комнате, расположенной точно над подвалом, – подробно ознакомился со случаем Ларнера, а уж тогда ушел в него с головой. В частности, у него вызвали интерес упоминания о некой «Черной книге», так называемой «Хтаат Аквадинген». Предположительно речь в ней шла о мифических обитателях рек, озер и океанов, а также прочих «демонах» менее очевидного происхождения. Вероятно, во многом из-за этой книги Ларнер и лишился так стремительно рассудка десять лет назад. Согласно имевшимся в папке документам, этот опус – в частности, содержащиеся на его страницах намеки, а подчас и совершенно богохульные откровения – вряд ли мог пойти на пользу такой чувствительной и мечтательной натуре, как Ларнер.

Вряд ли стоит упрекать Спеллмана за то, что он не узнал название книги – «Хтаат Аквадинген». Известно оно было лишь горстке людей, преимущественно эрудитам-антикварам, исследователям редких и древних фолиантов, а также знатокам оккультных наук! Действительно, на тот момент во всем мире существовало лишь пять экземпляров этого редкого труда. Один – в частной библиотеке некоего лондонского коллекционера. Еще один – под надежной охраной – вместе с «Некрономиконом», «Фрагментами Г'харне», Пнакотикскими рукописями, «Liber Ivonis», жуткими «Культа-

ми Гулей» и «Откровениями Глааки» – в Британском музее, третий и четвертый – в еще более загадочных и малодоступных местах. Что касается пятого экземпляра, то в скором времени ему было суждено волей случая попасть в руки Мартина Спеллмана.

До того как сестра поместила Ларнера в клинику, сумасшедший также собрал коллекцию вырезок из газет со всего мира – вырезок, которые нездоровой человеческой душе могли внушить беспокойство.

Спеллмана заинтересовало, каким образом клинике удалось получить столь подробные сведения о событиях, приведших Ларнера в ее стены. Из рассказа доктора Уэлфорда, выслушанного на следующее утро, выяснилось, что сестра Ларнера предоставила врачам все документы, имеющие отношение к помешательству ее брата. К их числу принадлежали сделанные несчастным бесчисленные газетные вырезки, а принадлежавший ему экземпляр «Хтаат Аквадинген» (огромная кипа сколотых скрепками страниц – очевидно, скопированных Ларнером от руки с какой-то другой книги) по-прежнему надежно хранился в шкафу одного из просторных кабинетов администрации. Доктор Уэлфорд охотно согласился предоставить все эти «сокровища» в распоряжение Мартина на несколько дней.

Рукописный вариант книги Спеллман сумел понять лишь отчасти. В этом странном тексте было слишком много нестыковок, – непривычных синтаксических конструкций и то-

му подобных вещей, – отчего написанное казалось неуклюжим переводом с какого-то иностранного языка (возможно, немецкого), причем сделанным человеком не слишком сведущим, скорее всего самим Ларнером. С другой стороны, Ларнер мог просто скопировать чужой перевод. Нельзя было исключать и ту вероятность, что странный труд вышел из-под его собственного пера. Впрочем, кое-что говорило не в пользу этого. На разрозненных листках в подробностях описывались зловещие ритуалы – жуткие магические церемонии, связанные с жертвоприношениями людей и животных. Даже если переводчик и допустил ряд ошибок, того, что поддавалось прочтению, было достаточно, чтобы Мартин пришел к выводу: чтение этого сомнительного опуса явно не довело Ларнера до добра. Будучи человеком трезвомыслящим, Мартин не видел особой необходимости подробно вникать в смысл трех сотен рукописных страниц и потому приступил к изучению газетных вырезок.

Вырезки оправдали его ожидания – воистину бесценная находка, которая пригодится ему в работе над будущей книгой! Чего только не было в этой папке! Вырезки из самых разных газет, издающихся в самых разных уголках мира – в Лондоне, Эдинбурге и Дублине; в Америке, Гаити и Африке; во Франции, Индии и на Мальте. Да, на бескрайних просторах Земли – от кипрских гор Трудос до австралийских пустынь и Тевтобургского леса в Западной Германии. Во всех вырезках фигурировали поступки людей, – как отдельных

индивидов, так и групп, – предположительно находившихся под воздействием инопланетных или «потусторонних» сил!

Заметки охватывали период с начала февраля 1925 года до середины 1926 года и содержали подробные отчеты о проявлениях массовой истерии, агрессивных психозов и эксцентричных выходок. По мере знакомства с этими вырезками Спеллман проницательно улавливал связь между, казалось бы, совершенно самостоятельными историями. Две колонки из «Ньюс оф зе уорлд» были посвящены человеку, который, издав омерзительный вопль, выбросился из окна пятого этажа и разбился насмерть. Обыскав его квартиру, следствие пришло к выводу, что самоубийство связано с неким магическим ритуалом. На полу мелом был начерчен пентакль, а стены сплошь покрыты грубыми каракулями богохульного «Кода Нихарго». В Африке христианские миссии сообщали о зловещем бормотании, доносившемся из обиталищ малоизвестных племен в пустынях и джунглях. А еще в одной из газетных заметок описывались человеческие жертвоприношения в честь духа земли Шудд-Мьеля. Спеллман тут же связал этот факт с совершенно фантастическим, до сих пор не раскрытым исчезновением в 1933 году в Йоркшире археолога сэра Эмери Венди-Смита и его племянника. Оба, похоже, верили, что обречены на смерть по прихоти «божества», некоего Шудд-Мьеля, «похожего на гигантскую змею с щупальцами». В Калифорнии целая теософская колония облачилась в белые одежды во славу «великого свершения», ко-

торое, однако, так и не наступило, а в Северной Ирландии молодые люди в белом подожгли три церкви, чтобы очистить место для «Храмов великого владыки». На Филиппинах американские военные обнаружили некие племена, не дававшие покоя местным жителям, а в Австралии шестьдесят процентов поселений аборигенов предпочли самоизоляцию, отказавшись от каких-либо контактов с белыми людьми. Впервые тайные культы и общества Земли открыто заявили о себе и своей преданности разного рода высшим силам, трубя на весь мир о том, что вскоре якобы грядет «окончательное воскрешение». В сумасшедших домах что ни день, то возникали новые проблемы. Спеллман невольно задумался о недалекости медиков: Господи, они же не замечали очевидных параллелей; не видели, можно сказать, дальше собственного носа!

Ночью, после основательного знакомства с историей болезни Ларнера, Спеллман лег спать очень поздно, уже незадолго до рассвета. Такое было не в его обычае; весь следующий день он чувствовал себя невыспавшимся и потому над книгой работать не стал. Вечером, когда настало время выходить на ночное дежурство, им все еще владели сонливость и апатия. Кроме того, ему сообщили, что пришла его очередь надзирать за подвальным отделением и Преисподней. В эту ночь на дежурство вместе с ним заступал Барстоу, и Спеллман не сомневался, что похожий на жабу санитар повторит свое предложение.

В одиннадцать вечера он уже был в подвале, желая поскорее выбраться из этого малоприятного места, когда с удивлением услышал, как кто-то зовет его по имени. Голос доносился из зарешеченного окошечка в двери второй камеры слева – палаты Ларнера, который, очевидно, пребывал в эти минуты в более или менее здравом уме. Мартину это было только на руку, поскольку он намеревался при первой же возможности поговорить с безумцем. И вот теперь она, наконец, представилась.

– Как себя чувствуете, Ларнер? – осторожно поинтересовался Спеллман и, придвинувшись поближе к двери, разглядел сквозь крошечный «глазок» бледное лицо больного. – Похоже, вы в хорошем настроении.

– Да, верно, я… я надеюсь, что вы поможете мне и дальше оставаться в таком настроении…

– Неужели? Чем же я могу вам помочь?

– Скажите мне, – спросил Ларнер, – кто дежурит сегодня ночью?

– Санитар Барстоу, – ответил Спеллман. – Почему вы об этом спрашиваете?

Ларнер резко отпрянул от двери, услышав явно неприятное ему имя, и Мартин был вынужден вновь заглянуть в «глазок», чтобы видеть его.

– Что случилось, Ларнер? Вы что, не ладите с Барстоу?

– Ларнер – известный скандалист, Спеллман, разве вы этого не знаете? – неожиданно прозвучал за спиной у Марти-

на скрипучий голос Барстоу. Вздрогнув от неожиданности, Спеллман резко обернулся и оказался лицом к лицу с безобразным санитаром, неслышно подкравшимся к нему сзади. – И кроме того, – продолжил Барстоу, – хотел бы я знать, с каких это пор вы стали обсуждать действия старших товарищей с пациентами? Вот уж никак не ожидал этого от вас, Спеллман.

В голосе санитара слышалась плохо скрываемая угроза.

Но Мартина было не так-то легко запугать; инстинктивный страх, который вызвало в нем неожиданное появление Барстоу, мгновенно сменился гневом.

– Что вы себе позволяете, Барстоу! – резко парировал он. – И что, скажите на милость, здесь вынюхиваете? Если рассчитываете взять мой участок, то можете забыть об этом! Мне не нравится, как ведут себя пациенты во время вашего дежурства!

Бросив коллеге в лицо пусть косвенное, но обвинение, Спеллман ждал, как же отреагирует Барстоу на его слова.

От него не укрылось, как посерело лицо старшего санитара. Барстоу был в явной растерянности, не зная, что ответить. Наконец он заговорил, причем заискивающим тоном:

– Я… я… на что вы намекаете, Мартин? С чего это вы? Я всего лишь спустился, чтобы помочь вам. Я не слепой, вы это прекрасно знаете. Ведь ясно как божий день, что вам не *нравится* здесь бывать. Впрочем, Мартин, вы сами себя наказали. Больше не стану предлагать вам помощь – поступай-

те как хотите.

– Меня это устраивает, Барстоу, ну а вам не лучше ли вернуться наверх? Вдруг там половина пациентов бродит без присмотра? Или, может, они сидят и трясутся от страха. Ведь кто знает, вдруг вам вздумается приструнить дубинкой?

При упоминании дубинки посеревшее лицо Барстоу побледнело еще сильнее, а правая рука, скрытая складками халата, невольно дернулась.

– Она же при вас сегодня, верно я говорю? – поинтересовался Спеллман, не сводя глаз с выпуклости под белым больничным халатом. – Я бы на вашем месте не таскал ее все время с собой. Сегодня она вам не понадобится. По крайней мере здесь, в подвале…

При этих его словах Барстоу как-то сжался в комок, и кровь окончательно схлынула с его лица. Не говоря ни слова, он резко развернулся и торопливо, едва ли не бегом, отправился восвояси. Спеллман только сейчас заметил, что из «глазков» дверей вдоль всего коридора на него устремлены взгляды пациентов. Обитатели камер – кто в ужасе, кто с явным злорадством – уставились вслед удаляющейся фигуре старшего санитара. И в глазах каждого читалась плохо скрываемая ненависть, отчего Мартин даже вздрогнул.

Через час, повторно спустившись в Преисподнюю, Спеллман решил поговорить с тремя-четырьмя пациентами, но, увы, его попытки не увенчались успехом. Даже Ларнер отказался общаться с ним. Тем не менее Мартину показалось,

что он улавливает некую ауру удовлетворения, ощущение *безопасности*, исходившее из-за запертых дверей…

Почти целую неделю после стычки с Барстоу Спеллмана так и подмывало рассказать о странном поведении санитара доктору Уэлфорду, но в то же время он не желал доставлять коллеге неприятностей. В конце концов, разве есть у него конкретные доказательства того, что Барстоу недобросовестно исполняет служебные обязанности? Даже если тот, спускаясь в подвальное помещение, берет с собой палку, это вряд ли можно считать доказательством злого умысла. Барстоу никак не мог использовать свое оружие против пациентов. Судя по всему, этот неприятный тип – обычный трус и не более того. Его, понятное дело, лучше сторониться, но бояться ни в коей мере не стоит.

Да и вообще, ситуация в стране была не из лучших. Спеллман не желал, чтобы у него на совести оказался новоиспеченный безработный по фамилии Барстоу. Правда, он задал несколько осторожных вопросов другим санитарам, однако никто не сказал в адрес Барстоу ничего определенного – судя по всему, к нему относились достаточно равнодушно; по крайней мере ничего дурного за ним не замечали. Этого оказалось достаточно, чтобы Мартин Спеллман на время перестал думать о Барстоу…

* * *

В ноябре Спеллману стало известно, что Барстоу перебирается в «жилую» часть клиники. Хозяйка, у которой он снимал жилье, якобы ожидала возвращения сына из-за границы, и ей понадобилась комната, которую прежде занимал постоялец. Через несколько дней малоприятная перспектива стала реальностью, и странный санитар переехал в одну из четырех комнатушек первого этажа. Не успел Барстоу обосноваться на новом месте, как в Оукдине проявились первые признаки грядущего кошмара.

Это случилось ранним утром, после одного из тех редких вечеров, когда Мартин Спеллман, устав от работы в клинике, уступал уговорам Гарольда Муди и отправлялся с ним в деревню Оукдин пропустить рюмку-другую. Склонности к спиртному Мартин не имел, и обычно его «загулы» ограничивались тремя-четырьмя бокалами пива. Однако в ту ночь он, что называется, был в ударе, и когда Муди ближе к полуночи дотащил его до клиники, Мартина хватило лишь на то, чтобы переступить порог комнаты и без чувств рухнуть на постель.

Именно чрезмерная доза пива спасла Мартина от поспешных действий, когда разразился вышеупомянутый кошмар, ибо в любое другое время доносившиеся из подвала душераздирающие вопли больных наверняка заставили бы его

проснуться. Случилось так, что он пропустил «самое интересное», как выразился на следующее утро Гарольд Муди, когда зашел разбудить его.

«Самое интересное» состояло в том, что четырьмя часами ранее, примерно в три утра, один из обитателей Преисподней скончался после особенно жуткого приступа безумия. При этом данный пациент, некий Гордон Мерритт, который вот уже двадцать лет страдал помешательством, каким-то непостижимым образом умудрился вырвать себе глаз!

Лишь позднее Спеллману пришло в голову узнать, кто из санитаров дежурил в ту злосчастную ночь, когда у Мерритта случился последний, роковой приступ безумия. И его охватило недоброе предчувствие, поскольку ему сообщили, что дежурным был Барстоу.

После смерти Мерритта прошло две недели. Все это время Барстоу держался особенно замкнуто, хотя и раньше не отличался особой общительностью. Более того, не знай Спеллман, что санитар переехал в клинику, он бы даже не заметил его присутствия. На самом же деле руководство Оукдина не радовала необходимость выяснять причины гибели одного из пациентов; вот почему дежурившему в ту роковую ночь санитару сделали строгий выговор. Когда случилось несчастье, он якобы не проявил надлежащей бдительности. Администрация клиники, похоже, пришла к мнению, что трагедии можно было бы избежать, прояви Барстоу

«чуть больше расторопности»…

13 декабря Спеллману снова выпало ночное дежурство, и снова ему пришлось совершать обход отделения для буйных, именуемого Преисподней. До этого момента он еще не отдавал себе отчета в том, что где-то в его подсознании затаилась потребность разузнать об обстоятельствах смерти Мерритта более подробно. Понимал он лишь одно: какое-то подспудное чувство не дает ему покоя и требует, чтобы он все выяснил. В первый же приход в подвальное отделение Мартин направился прямиком к палате Ларнера и, приблизившись к «глазку», подозвал пациента.

Палаты были устроены таким образом, чтобы в маленькие, зарешеченные окошки в дверях хорошо просматривались все углы. Иными словами, каждая камера имела форму клина, и в остром конце этого клина располагалась дверь. Когда Спеллман позвал Ларнера, тот лежал на кровати в дальнем конце палаты и безмолвно разглядывал потолок. Услышав голос, он тут же встал и подошел к двери.

– Скажите, Ларнер, – поинтересовался Мартин, обменявшись с больным приветствиями, – вы знаете, что случилось с Мерриттом? Все действительно было так, как говорят или?.. Вы ведь расскажете мне, что произошло, верно?

– Санитар Спеллман, могу я попросить вас об одной услуге? – По всей видимости, Ларнер не расслышал вопроса или – как подумалось Спеллману – предпочел оставить его без внимания.

– Об услуге? Разумеется, если это в моих силах… но чего вы хотите от меня, Ларнер?

– Нужно, чтобы справедливость восторжествовала! – выпалил сумасшедший с такой страстью, что Мартин Спеллман даже отпрянул от двери.

– Справедливость, Ларнер? Что вы хотите этим сказать?

– Да, справедливость! Именно! – Больной посмотрел на юного санитара через решетку, а затем, часто моргая, заговорил – быстро и страстно, в характерной для сумасшедших манере, причем резко сменив тему разговора: – Доктор Уэлфорд обмолвился, что книга «Хтаат Аквадинген» вызвала у вас интерес. Меня она тоже когда-то увлекла, но вот уже много лет как она мне недоступна. Похоже, врачи полагают, что ее содержание… э-э-э… так сказать, «противоречит моим интересам». Возможно, они и правы, хотя лично я в этом не уверен. Не спорю, меня упрятали сюда именно из-за этой книги. Да-да, можете не сомневаться, именно из-за нее я сейчас нахожусь здесь. А все потому, что слишком часто перечитывал Шестую Сатхлатту. И даже сумел почти полностью сломать барьер. То есть, я хочу сказать, одно дело – видеть Йиб-Тстла во сне, такое еще можно выдержать, но помочь ему пробиться через барьер!.. Есть у меня одна жуткая мыслишка. Пускай он прорвется – и никто ему не будет мешать!

Слова Ларнера заставили Мартина кое-что вспомнить. Незадолго до этого Спеллман бегло ознакомился с содержанием принадлежавшей безумцу книги, точнее, с парой от-

рывков из нее. В них содержались некие заклинания, или Сатхлатты, и Мартин тогда подумал, что позднее нужно будет еще раз вернуться к этому странному тому – постараться понять его истинное назначение и узнать, что это за существо… Йиб-Тстл.

Но тут Ларнер заговорил снова, прервав ход его мыслей. Кстати, теперь обитателя камеры было не узнать: выражение мучнисто-бледного лица изменилось, широко раскрытые глаза смотрели в одну точку.

– Послушайте, санитар Спеллман, возможно ли… не могли бы вы оказать мне одну безобидную услугу?

– Сначала скажите, что это за услуга.

– Все очень просто, мне хотелось бы, чтобы вы сделали копию Шестой Сатхлатты из «Хтаат Аквадинген» и принесли ее мне. В этом же нет ничего запретного, правда?

– Но разве вас поместили сюда не из-за этой книги? – нахмурился Спеллман.

Ларнер поспешно заявил:

– Тогда я не знал, к чему это приведет. Сейчас все по-другому… правда, я не помню, как это было. Я имею в виду Шестую Сатхлатту. Прошло уже почти десять лет…

– Честно говоря, не знаю, – задумчиво произнес Спеллман. – К тому же, думаю, вам хорошо известно, что любая услуга предполагает ответную услугу. Вы так и не ответили на мой вопрос. Я мог бы исполнить вашу просьбу, но в таком случае я попрошу вас рассказать мне, что случилось в

ту ночь, когда умер Мерритт.

В глазах Ларнера появилось тревожное выражение, и он быстро отвернулся.

– С этим мы сами как-нибудь справимся, Спеллман. И не постоим за ценой, – пробормотал он, буравя Мартина пронзительным взглядом сквозь зарешеченное окошечко. Спеллман в очередной раз удивился перепадам настроения своего собеседника. Теперь глаза Ларнера казались почти разумными, живыми и проницательными.

– Ничего не случилось. Обыкновенный приступ, только и всего. Ведь Мерритт, как вам известно, был буйнопомешанным. – С этими словами Ларнер вернулся к своей кровати и улегся в прежнем положении.

Понимая, что разговор окончен, Спеллман двинулся дальше по коридору, заглядывая на ходу в «глазки» дверей.

Весь остаток ночи, хотя для беспокойства поводов и не было, Мартин не мог отделаться от какой-то подсознательной тревоги. Он продолжал бродить по темным коридорам и даже поймал себя на том, что непроизвольно оглядывается.

В следующие выходные дежурств у Спеллмана не было, и он воспользовался свободной субботой, чтобы найти в «Хтаат Аквадинген» то, о чем говорил Ларнер. В конечном итоге он отыскал странного вида текст – заклинание? – спрятанный в одном из четырех зашифрованных разделов рукописи под названием «Шестая Сатхлатта». Практически не осо-

знавая, что делает, он переписал зловещие корявые буквы на отдельный лист бумаги, пытаясь при этом прочесть вслух труднопроизносимые сочетания звуков.

Гхе ‘пхнглуи, мгле ‘нгх, гхи ‘их Йиб-Тстл,
Фхтагн мглв и’тлетте нгх’вгах, Йиб-Тстл,
Тхе’пхнглуи мглв-нгх ахкобхг’шг, Йиб-Тстл,
ТХАБАЙТЕ! – ЙИБ-ТСТЛ, ЙИБ-ТСТЛ, ЙИБ-ТСТЛ!

Прежде чем продолжить поиск упоминаний об Йиб-Тстле, Мартин еще несколько минут пытался разобрать написанную чуть ниже абракадабру. Вскоре, правда, он отказался от этой бессмысленной затеи, зато в другой части книги отыскал то, что хотел: сделанные мелким бисерным почерком заметки на полях – по всей видимости, расшифровки других записей, а именно способов вызова потусторонних сил. Чтобы получше уяснить «смысл» этих заметок, он снова, как и в случае с Шестой Сатхлаттой, аккуратно переписал слова на лист бумаги:

(1) КАК ПРИЗВАТЬ ЧЕРНОТУ

Этот способ предполагает использование облатки, приготовленной из [муки?] и воды… с начертанными на ней исходными знаками Шестой Сатхлатты… даваемой жертве, в непосредственной близости от которой читается заклинание вызова («Некрономикон», стр. 224, под заголовком «Хой-Дхин»). Так можно вызвать не Йиб-Тстла, но Черную его кровь, наделенную свойством жить отдельно от Него. Является она из вселенной далекой и

чуждой, известной лишь Йиб-Тстлу и Йог-Сототу, сопредельной со всеми пространствами и временами. Жертва считается принятой, когда Черная кровь покроет его, подобно мантии, и удушит. Затем сок Йиб-Тстла вернется вместе с душой жертвы в тело Хозяина, в его собственный континуум…

(2) КАК УВИДЕТЬ ЙИБ-ТСТЛА ВО СНЕ

…можно использовать Шестую Сатхлатту… дабы лицезреть во сне Облик Хозяина, Йиб-Тстла, вхожего во все времена и пространства. Следует, однако, заметишь, что Заклинанием нельзя злоупотреблять – оно должно произноситься лишь единожды пред грядущим сном, иначе же Смотрящий наделит То, что лицезрит, Видением Врат своего Разума; входя же в эти Врата и возвращаясь чрез них, Йиб-Тстл может выжечь Разум и Врата и все прочее своими перемещениями… ибо Боль велика, а Смерть неизбежна. Более того, во время подобных перемещений Деяния Его в этой Сфере будут никому не подвластны; Аппетит Хозяина был хорошо известен адептам прошлого…

(3) КАК ВЫЗВАТЬ ЙИБ-ТСТЛА

Этот способ также предполагает использование Шестой Сатхлатты: ее должны трижды прочесть хором тринадцать адептов в полночь любого Первого Дня. Следует помнить, что Йиб-Тстл откликнется на призыв любых тринадцати взывающих, если хотя бы

один из них является адептом. Но если по меньшей мере семь вызывающих не являются адептами и если до полуночи, когда будут вызывать Йиб-Тстла, они не запечатают предварительно души свои барьером Наах-Титха, они могут претерпеть ужасные превращения и понести кару.

В рукописи нашлась приписка красными чернилами, сделанная рукой Ларнера к уже имевшимся на полях заметкам: «Найти недостающие слова для снятия барьера Наах-Титха…» Очевидно, подумал Спеллман, этот человек, который в дальнейшем оказался в так называемой Преисподней, уже ступил на тропу безумия, когда делал последнюю запись.

Оставшуюся часть дня Мартин Спеллман не прикасался к страницам рукописи, обратившись к своим обычным изысканиям. Сделав в шесть часов перерыв, чтобы поесть, он вновь засел за книги. В восемь Мартин заварил себе кофе, однако напиток, вопреки ожиданиям, не взбодрил его, а, напротив, вызвал такую усталость, что наш герой был вынужден на несколько минут прилечь на кровать. Судя по всему, утомился он даже больше, чем полагал, ибо три часа спустя проснулся совершенно разбитым, причем разбудил его кошмарный сон, который, однако, не остался в памяти. Прежде чем снова приступить к работе – он планировал внести ряд изменений в текст будущей книги, – Спеллман зажег газовую плитку и сварил себе еще одну чашку кофе.

Затем Мартин основательно поработал часов до двух утра

и только после этого опять лег, довольный тем, что текущая глава далась ему без особых усилий. Впрочем, пока сон еще не сморил его, он взял в руки несколько страниц с отрывками из «Хтаат Аквадинген» и попытался прочесть вслух зловещий, беспорядочный набор букв, называемый Шестой Сатхлаттой. Почему-то он надеялся, что на этот раз они прозвучат так, как им и полагается звучать. Однако не успел Мартин добраться до конца второй строки, как у него возникло необъяснимо зловещее чувство, и он умолк. По телу пробежала невольная дрожь.

Что же такого было в этом «заклинании»? Мартину вспомнились переписанные им же слова: «…можно использовать Шестую Сатхлатту… дабы лицезреть во сне Облик Хозяина, Йиб-Тстла, вхожего во все времена и пространства».

Мартин встряхнул головой, пытаясь отогнать ощущение дурноты и немного взбодриться. Хотя это помогло ему прийти в чувство, он тем не менее отодвинул в сторону бумаги и прилег на кровать. Очевидно, у него что-то не в порядке с нервами. Не иначе как виной тому клиника и ее обитатели. Пожалуй, следует почаще наведываться в деревенскую пивную с Гарольдом Муди…

Но тут его сморил сон, и он вновь увидел кошмарную картину…

Его взгляду предстали незнакомые травы и зловещего ви-

да черно-белые цветы. Густые заросли экзотических папоротников тянули свои трепещущие, похожие на ветви листья к беззвездному зеленому небу, в котором летали фантастического вида птицы с пульсирующими, оплетенными венами крыльями. Рядом с адскими зарослями виднелась опушка, которая притягивала дух Спеллмана, как магнит. Он шагал в направлении поляны, и похожие на грибы кусты расступались перед ним в стороны. При его приближении с чашечек ядовитых на вид цветов срывались, зловеще жужжа, огромные насекомые. Мартин понял, что он чужой в этом чудовищном измерении сна. Более того, обитатели странного мира испытывали к нему ту же неприязнь, какую испытывал бы и Спеллман на их месте.

Вскоре он оказался возле прогалины, огромного пятна бледной и стерильной земли, по другую сторону которого вновь начинались заросли. В центре этого зловещего пространства стояло Существо. С разделявшего их расстояния оно казалось раза в три выше обычного человека. Приблизившись, он увидел, что Существо медленно поворачивается; правда, ноги его скрывал длиннополый зеленый плащ, который странным образом выпячивался, топорщился и колыхался, ниспадая складками до припорошенной пылью земли откуда-то сверху – оттуда, где находилась… голова? Подойдя еще ближе, Мартин почувствовал, что из горла вот-вот вырвется крик: исполинская фигура стала разворачиваться в его сторону, и он впервые разглядел ее лицо.

Не продолжи она движения, случись так, что взгляд ее хоть на мгновение упал бы на нашего героя – Мартин Спеллман наверняка бы в ужасе завопил, но нет. Вопреки всему, существо продолжило свое, с виду бесцельное, вращение, и его объемистый плащ все так же колыхался и вздыбливался…

Когда же Мартин оказался совсем рядом с гигантом, всего в десятке шагов, то почувствовал, что больше не может идти. Существо продолжало отворачиваться от него, однако стоило Спеллману остановиться, как и движения гиганта словно бы обрели некую неуверенность.

А затем Существо замерло на месте.

На какой-то миг все застыло, лишь колыхались по-прежнему складки зеленого плаща. Затем, медленно и неумолимо, монструозная фигура начала разворачиваться к парализованному страхом юноше.

Вскоре она снова замерла, на сей раз обратив к Спеллману лицо. Мерзкий плащ заколыхался яростней обычного, а затем и вовсе распахнулся, и наш герой смог увидеть то, что скрывалось под его складками. От омерзительного зрелища Мартин безголосо вскрикнул. На отвисших, морщинистых черных грудях Древнего, облепив его со всех сторон, копошились, цепляясь за них, крылатые рептилии, лишенные лиц…

Вот, собственно, и все, что он увидел…

А затем он ощутил, как кто-то бесцеремонно трясет его, пытаясь разбудить.

Гарольд Муди, вернувшийся из Оукдина в легком подпитии, заявился к Мартину узнать, не желает ли тот выпить чашку кофе. Гарольду было известно, что молодой коллега часто работает допоздна, однако на сей раз он застал Спеллмана в самый разгар ночного кошмара. Никто еще не был столь желанным гостем для Мартина, как Гарольд, пусть даже полупьяный и явившийся в столь поздний час. Пока полуночный гость занимался кофе, юноша, не в силах унять дрожь, сидел на кровати. Мартин понимал, что это был лишь дурной сон, однако запомнился он с такой удивительной яркостью, так живо и отчетливо…

Чего только стоили эти чудовищные джунгли… А гнусные насекомые, вылетавшие из соцветий?.. А прогалина? Не столько лесная поляна, сколько гигантская проплешина голой, мертвой земли. А безглазые крылатые уродцы, копошившиеся под мерзким зеленым плащом на теле гиганта! Однако самым жутким в этом сне были глаза – глаза медленно поворачивавшегося колосса…

На следующее утро, несмотря на странную апатию, с которой ему пришлось вступить в единоборство, Спеллман принялся за кропотливое изучение «Хтаат Аквадинген». Привидевшийся ему накануне сон был очень реалистичен, хотя, насколько юноше хватало памяти, в «Черной книге» Ларнера не описывалось ничего подобного. Даже при ярком дневном свете, когда в окно струились лучи скудного декабрь-

ского солнца, Спеллман с содроганием вспоминал гиганта в зеленом плаще. Не считая описания, составленного Эрнстом Кантом и приведенного в относительно недавней книге, посвященной редким случаям душевных расстройств («существо с черными грудями и анусом во лбу»), он нигде не встречал ничего подобного; в «Хтаат Аквадинген» столь живописных подробностей не приводилось. Откуда же тогда в его подсознание проник образ омерзительного чудовища?

Мартин Спеллман сделал вывод, что в куда большей степени подвержен внушению, нежели привык считать. Жуткое это существо, конечно же, привиделось ему после того, как он прочел о способе «увидеть во сне Йиб-Тстла». Сколь смехотворными ни были прочитанные им строки, они тем не менее крепко засели в голове, и ему приснился кошмарный сон…

Следующие десять дней и Рождество Спеллману пришлось посвятить занятиям менее приятным, чем работа над книгой. Хотя большую часть ночей он был свободен от дежурств, дневным обходам неизменно предшествовал инструктаж о том, как следовало обращаться с наиболее опасными пациентами, чтобы те «выглядели опрятно». В общем, хочешь не хочешь, а пришлось научиться кормить и мыть склонных к агрессии больных, а также убирать палаты тех несчастных, чьи привычки делали их похожими на животных. Какова же была радость Мартина, когда курс малопри-

ятных занятий закончился, и он получил возможность вернуться к привычному режиму!

Лишь накануне 27 декабря Спеллману снова выпало ночное дежурство. И так было угодно судьбе, что в расписании дежурств его имя оказалось прямо напротив ненавистного ему подвального отделения и той его части, что носила имя Преисподней.

В первое же посещение Преисподней Спеллман увидел, что Ларнер уже поджидает его возле «глазка» своей палаты.

– Санитар Спеллман, наконец-то вы пришли. Вы… вы… выполнили мою просьбу?.. – спросил он, пожирая Мартина взглядом.

– Что вы имеете в виду, Ларнер?

– Я просил вас скопировать Шестую Сатхлатту… из «Хтаат Аквадинген». Неужели вы забыли?

– Нет, я не забыл, Ларнер, – ответил Мартин, хотя именно так оно и было, – но скажите мне, что вы собираетесь делать с… э-э-э, Шестой Сатхлаттой?

– Делать? Разве вам не понятно?.. Это эксперимент! Да-да, эксперимент. Скажите, санитар Спеллман, вы не желаете помочь нам?

– *Нам*, Ларнер?

– Мне, я хотел сказать, мне. Вы не желаете помочь мне?

– Каким образом? – неожиданно для себя заинтересовался Спеллман. Его поразило, насколько прояснилось сознание больного.

– Я позднее дам вам знать… но вы должны поскорее передать мне Шестую Сатхлатту… и еще… карандаш и несколько чистых листов бумаги…

– Карандаш, Ларнер? – подозрительно сощурился Спеллман. – Вы же знаете, что я не имею права давать вам карандаш.

– Тогда хотя бы грифель, – в отчаянии взмолился Ларнер. – Ну какой, по-вашему, вред я могу причинить простым карандашным грифелем?

– Думаю, что никакой. Грифель, пожалуй, вам можно дать.

– Отлично! Тогда вы… – Безумец не договорил предложение до конца.

– Я не могу ничего обещать, Ларнер… но подумаю о вашей просьбе, – сказал Спеллман. Кошмарный сон уже почти выветрился из его памяти, и его обуревало любопытство: что Ларнер станет делать с Шестой Сатхлаттой?

– Ну хорошо… только думайте побыстрее! – ворвался и его мысли голос Ларнера. – Я бы хотел все получить до конца месяца. Если же не получу… тогда… тогда эксперимент не удастся… во всяком случае, его придется отложить еще на год.

После этих слов глаза Ларнера расширились, и в них появилось пустое, бессмысленное выражение. Тень разума слетела с его лица, оно сделалось рассеянным и туповатым. Больной отвернулся и, заложив руки за спину, медленно по-

брел к своей кровати.

– Я подумаю, что смогу сделать для вас, Ларнер, – произнес Спеллман. – Возможно даже, сегодня ночью.

Однако Ларнер, судя по всему, уже утратил интерес к разговору.

Спустя какое-то время Мартин вернулся в подвальный корпус, перед этим на несколько минут заглянув в свою комнату.

Позвав Ларнера, он просунул через решетку карандашный грифель, чистую бумагу и листок с Шестой Сатхлаттой, переписанной из пресловутой книги. Больной никак не отреагировал на его действия, все так же молча сидя на кровати. Спеллману ничего не оставалось, как выпустить принесенное из рук, и грифель вместе с бумажками упал на пол. Ларнер, похоже, не обратил на это ни малейшего внимания.

Однако ближе к утру, когда рассвет забрезжил сквозь снеговые облака на восточном крае неба, юный санитар заметил, что Ларнер что-то пишет. Сумасшедший неистово водил кусочком грифеля по бумаге, но, как и в прошлый раз, оставил без внимания попытку Спеллмана втянуть его в разговор.

* * *

Два дня спустя, после утренней смены, Спеллман зашел к себе в комнату, чтобы выкурить сигарету, – что, впрочем, делал крайне редко, – прежде чем приступать к дневным обя-

занностям. Потянувшись за сигаретами, он задумчиво посмотрел в дверное окошко, также забранное решеткой (как-то раз Гарольд Муди с юмором разъяснил ему, что решетки предназначены вовсе не для того, чтобы запереть его, словно заключенного в камере, – никто не сомневался в его здравомыслии, – а чтобы оградить от любопытства со стороны больных), на десяток обитателей Преисподней, которые гуляли по обнесенному высокими стенами внутреннему двору. У самых буйных на ногах были цепи, ограничивающие движения. Тем не менее примерно половина из них не знала никаких физических ограничений, если не считать бдительного присутствия пяти-шести одетых в белое санитаров.

Надзиратели казались в этот день какими-то сонными; Мартину, в отличие от них, сразу бросилось в глаза, что Ларнер что-то замышляет. В частности, всякий раз, когда Ларнер оказывался на близком расстоянии от какого-нибудь пациента, он шептался с тем, и при этом их руки подозрительным образом соприкасались. Возникало ощущение, будто он передает им какие-то предметы. Какие же? Кажется, Спеллман догадывался…

Конечно, ему полагалось предупредить надзирателей о затее больных, однако он этого не сделал. Ведь стоит ему выдать Ларнера, как это обернется неприятностями для него самого – похоже, Ларнер раздавал во дворе клиники копии Шестой Сатхлатты! Спеллман улыбнулся. По всей видимости, безумец замыслил вызвать Йиб-Тстла. «Насколько же

противоречив разум душевнобольных», – подумал Мартин, отворачиваясь от окна. Какие, к черту, «адепты» из тех двенадцати, что гуляют сейчас по двору! Да и в любом случае Ларнеру недоставало одного человека.

В четыре часа пополудни Спеллмана вызвали во двор вместе с пятью другими санитарами, поскольку обитателей Преисподней выпустили поразмяться на свежем воздухе второй раз за день. Среди этих пяти был и Барстоу. Вел он себя беспокойно и явно нервничал, однако при этом демонстративно старался держаться подальше от Спеллмана. Мартин уже давно заметил, что в присутствии Барстоу пациенты ведут себя тихо – и все же сегодня впервые в их поведении ощущался какой-то молчаливый протест, будто, фигурально выражаясь, все они имели в запасе некий «козырь». Барстоу, похоже, тоже это заметил и с интересом стал наблюдать за Ларнером, когда тот подошел к Спеллману и заговорил с ним.

– Ждать осталось совсем недолго, санитар Спеллман, – тихо произнес Ларнер после того, как они обменялись приветствиями.

– Неужели? – улыбнулся Мартин. – В самом деле, Ларнер? Знаете, я сегодня утром видел, как вы раздавали сделанные вами копии.

Выражение лица Ларнера мгновенно изменилось.

– Вы ведь никому не сказали?

– Нет, никому. Когда вы мне расскажете, что здесь зате-

вается?

– Скоро, совсем скоро… эх, жаль, что я не знаю формулы Наах-Титха!

– Э-э-э… действительно, жаль, – согласился Спеллман, плохо понимая, к чему клонит его собеседник. Но затем ему вспомнилось, что он уже видел упоминание о так называемом барьере Наах-Титха в ларнеровских заметках на полях «Хтаат Аквадинген». – Надеюсь, это не помешает проведению эксперимента?

– Нет, но… мне действительно искренне жаль… *вас*.

– Меня? – нахмурился Мартин. – Вы на что намекаете, Ларнер?

– Дело не во мне, вы же понимаете, – быстро заговорил безумец. – То, что творится со мной, в месте вроде этого никого не волнует, да и другим здесь тоже ничуть не легче. В клинике им не на что надеяться. Да что там! Некоторые из них даже выиграют от перемены мест! Но вас, Спеллман, *вас* мне искренне жаль…

Спеллман задумался, прежде чем задать новый вопрос.

– Эта самая.... *формула*… она действительно так важна? – Эх, почему он не может проникнуть в сознание этого человека, узнать, в каком направлении блуждают его мысли!..

Ларнер неожиданно нахмурился.

– Разве вы не читали «Хтаат Аквадинген»? – Вопрос прозвучал скорее как обвинение.

– Да-да, конечно, читал… правда, книга очень сложная,

а я… – Спеллман попытался найти подходящее слово, – … я не *адепт*!

Ларнер кивнул, и хмурое выражение тут же исчезло с его лица.

– Верно, вы не адепт. Их должно быть семь, я же здесь один. Формула Наах-Титха, разумеется, поможет нам, но даже и в этом случае… – Ларнер заметил, что к ним приближается Барстоу. – *Летриктрос Темиель, фитритте клептос,* – пробормотал он и вновь повернулся к Мартину: – Я не знаю ее окончания, вы понимаете, Спеллман? И даже если бы знал… ей не отвратить *такое* зло…

На следующий день, когда Спеллман взглянул на обитателей Преисподней через зарешеченное окно своей комнаты, он вновь отметил возникшее между ними единение, нечто вроде дружбы. А еще ему бросился в глаза тонкий красный рубец на лице Ларнера. Еще вчера того не было. Интересно, откуда взялась отметина?

Спеллман машинально, повинуясь минутному порыву, поискал в списке дежурств фамилию санитара, совершавшего обходы в прошлую ночь. И тотчас понял, что двигал им отнюдь не минутный порыв, а чудовищное подозрение, ибо взгляд его упал на знакомое имя: Алан Барстоу. Мартин мысленно представил себе коренастого, похожего на жабу санитара с палкой в руке. При мысли о красном рубце на лице Ларнера юношу вновь охватило непонятное беспокойство – как и в случае с тем больным, который – во время «острого

приступа помешательства» – каким-то непонятным образом ухитрился вырвать себе глаз.

В новогоднюю ночь, после крайне скромных празднеств, омраченных для Спеллмана нарастающей с каждым часом тревогой, для него прозвучал «первый звонок», возвестивший о грядущем кошмаре. Увы, случилось так, что Мартин практически не обратил на него внимания: у юноши был выходной, и он работал над книгой, однако как только утихли доносившиеся снизу крики, к нему в комнату зашел дежуривший в тот день Гарольд Муди.

– Никогда не видел ничего подобного! – нервно произнес он, присаживаясь на кровать Мартина. – Ты слышал?

– Я слышал какие-то крики. Что там стряслось? – спросил Спеллман из вежливости. Работа над книгой продвигалась быстро, и он не хотел отрываться от дела.

– Да ты что? – удивился Муди. – Крики, говоришь? Да скорее хоровые заклинания. Эти идиоты ревели во всю глотку, оглохнуть можно было! Это даже не слова, Мартин, – по крайней мере не понятные всем слова, – а какая-то ересь! Полная околесица!

– Околесица? – Мартин быстро встал из-за стола и подошел к коллеге. – Что за околесица такая?

– Вообще-то я не знаю, ни черта не понял. То есть я хочу сказать…

– Что-то вроде этого?.. – перебил его Спеллман и, достав

из тумбочки ворох листов «Хтаат Аквадинген», принялся их перебирать. Вскоре он нашел нужный отрывок:

Гхе ‘пхнглуи, мглв’нгх, гхи’их Йиб-Тстл,
Фхтагн мглв и’тлетте нгх’вгах, Йиб-Тстл,
Гхе’пхнглуи…

Мартин резко оборвал чтение. Черт, зачем ему понадобилось зачитывать эти строки, если он помнит их наизусть?

– Они произносили… что-то в этом роде?

– Что? Нет, что-то другое, более резкое, не такое певучее. И этот парень, Ларнер, ну он и тип, скажу я тебе! Он все время разорялся, что не знает концовки!

С этими словами Муди встал, собираясь уйти.

– В любом случае все закончилось…

Стоило Муди подойти к двери, как зазвенел будильник. Мартин специально поставил его на двенадцать часов ровно, чтобы знать, когда наступит Новый год.

– С Новым годом, Гарольд! – поспешил он поздравить коллегу.

Муди поздравил его в ответ и шагнул за порог. Как только он закрыл за собой дверь, Мартин схватился за «Хтаат Аквадинген».

Тридцать первого декабря – канун Нового года и последний день старого. «Значит, – размышлял он, – Ларнер попытался возвести „барьер Наах-Титх“, но, конечно же, не знал всех слов нужной формулы». Мартин с удивлением отметил, что, как ни странно, текст Шестой Сатхлатты без особых уси-

лий и, главное, прочно врезался в его память. Эти странные согласные мигом всплыли в сознании – и более того, словно просились на язык…

Ладно, все в порядке: он, конечно, допустил оплошность в отношении Ларнера – но, слава богу, все хорошо, что хорошо кончается. Если бы не его собственный идиотский интерес, не потворство безумным фантазиям больного человека, никаких беспорядков в Преисподней не случилось бы. Но что будет завтра ночью? Что, если в ближайшие сутки обитатели Преисподней трижды повторят Шестую Сатхлатту и попытаются вызвать к жизни зловещего Йиб-Тстла? Неужели Ларнер намерен втянуть и его, Спеллмана, в этот шабаш?

Не то чтобы Мартин Спеллман хотя бы на миг поверил, что набор невнятных звуков, синхронно произносимых несколькими сумасшедшими, способен причинить кому-то вред, сверхъестественного или иного свойства. Однако повторение ночных беспорядков не могло не встревожить руководство клиники. Начальство вряд ли пришло бы в восторг, стань ему известно о незаконном общении стажера-практиканта с Ларнером. Это грозило бы ему серьезными неприятностями, не говоря уж об увольнении, Мартину же меньше всего хотелось портить отношения с доктором Уэлфордом и еще кое-кем из начальства. Утром он выйдет на дежурство в верхнее отделение лечебницы и закончит в четыре часа дня, но до этого непременно нужно улучить минутку и повидаться с Ларнером. Возможно, доброе слово благотвор-

но подействует на сумасшедшего.

Уже в постели, прежде чем уснуть, Спеллман вновь вспомнил, с какой легкостью воспроизвел строчки Шестой Сатхлатты. И не успел он подумать о них, как они были у него на языке. Пораженный тем, как свободно и плавно льются эти звуки (казалось бы, чуждые ему), он прошептал в темноте слова заклинания и почти мгновенно погрузился в глубокий сон.

…Он вновь оказался в странном лесу под темно-зеленым небом, населенном зловещими крылатыми созданиями. На этот раз его спящий дух острее ощутил присутствие Существа на облезлой, с проплешинами поляне – присутствие Йиб-Тстла, огромного и могущественного, медленно и неумолимо вращающегося вокруг оси в омерзительном шевелящемся плаще.

И едва Мартин оказался на поляне (во сне движения его были медленными, как колыхание спутанных водорослей в Саргассовом море), он почувствовал на себе Его тяжелый взгляд…

Первобытный ужас, который он ощутил, приблизившись к Древнему, заставил его пробудиться ото сна. Легче, однако, от этого не стало – скорее наоборот, ибо теперь Спеллман понял, что означает эта жуткая гримаса, эти подергивающиеся и подрагивающие черты лица мерзкого гиганта.

– Оно улыбнулось… *Существо улыбнулось мне!* – вскрикнул он, подскочив на постели и выпрямившись. Какое-то мгновение юноша просто сидел, уставившись широко открытыми глазами в темноту комнаты. Затем, чувствуя дрожь во всем теле, он встал и непослушными руками принялся готовить себе кофе.

Два часа спустя, около четырех утра, когда уже начало светать, ему снова удалось заснуть. Оставшаяся часть ночи, к счастью, прошла без сновидений…

Когда Мартин Спеллман проснулся утром нового, 1936 года, у него не оказалось времени на раздумья о ночном видении. Встал он поздно, и до начала дежурства оставалось всего ничего. И конечно, юноша даже не догадывался, что новому дню было суждено стать самым насыщенным событиями из всех дней, проведенных им в стенах Оукдина, и что в конце этого дня…

В половине одиннадцатого утра Спеллман все-таки улучил минутку, чтобы спуститься в подвальное отделение, и направился прямиком к палате Ларнера. Увы, заглянув в зарешеченное окошко, он тотчас понял, что толку от этого визита не будет. Ларнер, пуская слюну, молча бродил от стены к стене. Глаза его были выпучены, зубы оскалены. Выйдя из подвала, Мартин разыскал санитара, который сегодня дежурил в нижних помещениях клиники, и, сообщив ему о состоянии Ларнера, вернулся к служебным обязанностям.

В конце обеденного перерыва, не увидев Мартина в столовой, Гарольд Муди отправился его искать – и обнаружил юношу в его комнате, где тот беспокойно расхаживал взад-вперед. О предмете своего волнения Спеллман умолчал. Вообще-то он и сам толком не знал, что гложет его изнутри – просто им владело странное ощущение чего-то страшного и неизбежного. Правда, ощущение это слегка утратило остроту, когда Муди сообщил, что Алана Барстоу больше в клинике не будет. Никто не знал, почему жабообразный санитар решил оставить работу. Нет, конечно, по лечебнице уже давно ходили слухи, что у парня нелады с нервами, но по мнению Гарольда Муди, Барстоу «просто достало это местечко и его обитатели».

Позднее, закончив дежурство, Спеллман, обрадованный известием о предстоящем уходе Барстоу, ощущая, как с каждой минутой к нему возвращается душевное спокойствие, быстро перекусил в столовой, после чего вернулся к себе в комнату и погрузился в изучение рукописей. Однако с наступлением темноты, ближе к девяти, к нему вернулось и томительное беспокойство, мешавшее сосредоточиться, он отложил книгу и ненадолго прилег на кровать. Какое-то время юноша прислушивался, не доносятся ли из Преисподней странные звуки – и даже поймал себя на мысли, что царившая там тишина не доставляет ему особой радости. Пролежав так несколько минут, он встал и закурил сигарету.

Спать не тянуло, и Мартин вознамерился бодрствовать до полуночи, чтобы не пропустить тот момент, когда науськанные Ларнером обитатели подвального корпуса выкинут какой-нибудь фортель.

В десять часов вечера ему неожиданно захотелось перечитать страницы «Хтаат Аквадинген» – особенно Шестую Сатхлатту, – и он вытащил книгу прежде, чем успел воспротивиться этому настойчивому желанию. Мартин никак не мог взять в толк, что в «Черной книге» так его привлекало сейчас. На него навалилось страшное изнеможение – плата за беспокойную ночь; начался приступ сильной головной боли. Не помогли даже наспех сваренная чашка кофе и таблетка аспирина. Усталость и боль в висках все усиливались, и Мартин был вынужден снова лечь в постель. Он посмотрел на часы: без десяти одиннадцать. Не успел он и глазом моргнуть…

…кто-то хорошо ему знакомый невнятно бормотал слова Шестой Сатхлатты. Даже погружаясь в глубокий сон, Мартин узнал собственный голос!

Он стоял на окраине облезлой поляны под темно-зеленым небом. За его спиной простирались зловещие заросли. Прямо перед ним, в самом центре поляны, возвышался Йиб-Тстл, как всегда неумолимо вращавшийся вокруг собственной оси. Спеллману хотелось развернуться и бежать от Существа в зеленом плаще. Он даже сделал попытку – приложив все

мыслимые усилия воли, лишь бы воспротивиться жуткому притяжению, исходившему от чудовища, – сделал и почти добился своего… О, это проклятое «почти»! Медленно, мучительно медленно, чувствуя, что его спящий разум заперт в крошечном шарике сосредоточенности, Мартин Спеллман ощутил, как неведомая сила магнитом тянет его вперед. Вскоре он оказался напротив Древнего и понял, что тот разгневан.

В течение долгого времени, показавшегося ему едва ли не вечностью, он пытался сопротивляться, после чего Йиб-Тстл, которому это явно надоело, попробовал применить другую тактику. Хотя от центра поляны Мартина отделяло довольно приличное расстояние, он все же заметил, как Существо замерло на месте. В следующее мгновение исполинский монстр распахнул полы плаща, и взгляду юноши открылся адский зверинец.

За раз Спеллман мог справиться лишь с одним уродцем, а Йиб-Тстл явно не собирался отпускать его из царства грез в реальный мир. Даже осознавая, что спит, Спеллман оставался во власти этого сна. Он беззвучно кричал, нанося удары безликим крылатым тварям, стремительно налетавшим на него и явно желавшим сбить его с ног. Наконец им это удалось, и он упал, закрывая руками голову. Когда крылатые уродцы оставили его в покое, он осмелился посмотреть вверх и понял, что находится у ног исполинского чудовища в зеленом плаще.

И вновь эти ужасные красные глаза… вместо того, чтобы оставаться на месте, они быстро перемещались – независимо друг от друга, скользя поверх смазки из мерзкой, тягучей слизи, по красной, липкой голове Йиб-Тстла.

Неожиданно Спеллман понял, что не один здесь. Рядом с ним лежали и другие люди – двенадцать человек, – и даже во сне тела и лица некоторых из них были словно перекорежены. Некоторые пускали слюни, а в глазах их застыло странное выражение, не позволявшее усомниться в состоянии их разума.

Ларнер и остальные обитатели Преисподней – полный состав для проведения шабаша – почтительно собрались у ног бога сумасшедших, омерзительного Йиб-Тстла.

Не поднимаясь с колен, Спеллман в омерзении отвернулся. Взгляд его тотчас упал на книгу, лежавшую перед ним на гнилостной земле. Это была принадлежавшая Ларнеру копия «Хтаат Аквадинген», открытая на Шестой Сатхлатте!

– О нет! – беззвучно вскричал Спеллман, пронзенный внезапным пониманием. За что? Где тот предел, до которого Существу позволено ступать по земле?

Ларнер сел рядом с ним.

– Ты знаешь это сердцем, санитар Спеллман! Знаешь!

– Но я!..

– Времени нет, – оборвал его обитатель Преисподней. – Полночь близка! Ты станешь вызывать его вместе с нами?

– Нет, не стану, черт тебя возьми! – мысленно закричал Мартин.

– НЕТ, СТАНЕШЬ! – пророкотал в его голове чужой громовой голос. – ПРЯМО СЕЙЧАС!

С этими словами Йиб-Тстл вытащил из-под плаща нечто черно-зеленое – по всей видимости, руку с растопыренными пальцами – и вогнал эту жуткую пятерню в рот, уши и ноздри Спеллману, прямо в его мозг; вогнал и сжал со всей силой…

Когда Великий Древний убрал свои осклизлые пальцы, глаза Мартина Спеллмана остались пусты, а рот, из которого теперь капала слюна, безвольно обвис. Лишь тогда, в полночь, словно по какой-то неслышной команде, Ларнер и его двенадцать адептов с удивительной синхронностью начали произносить заклинание: Спеллман у себя в комнате, сидя на постели, остальные – внизу, в палатах.

Скандал, разразившийся в Оукдине, утих лишь к началу февраля. К этому времени события, разыгравшиеся ночью 1 января 1936 года, были самым тщательным образом изучены и документально зафиксированы в строгой хронологической последовательности дня возможного использования в отчетах. Доктор Уэлфорд к этому времени уже подал в отставку. Ему не повезло: в ту роковую ночь на нем всецело лежала ответственность за все происходившее в клинике. И хотя бы-

ло установлено, что личной вины Уэлфорда в случившемся нет, его отставка, похоже, удовлетворила руководство, газетчиков и родню многих пациентов лечебницы.

Разумеется, будь доктор Уэлфорд менее щепетильным человеком, он мог бы по крайней мере частично представить случившееся в выгодном для себя свете – тем более что в следующем месяце пятерых обитателей Преисподней (трое из них ранее считались «безнадежными» маньяками) выпустили на свободу и признали дееспособными гражданами. Увы, пятеро других, в том числе и Ларнер, были найдены мертвыми в своих палатах вскоре после полночных беспорядков. Все они стали жертвами «острого приступа буйного помешательства». Еще двое были живы, но находились в состоянии глубокого кататонического ступора, из которого их вывести не удалось.

Утром второго января в клинике Оукдина царил такой жуткий переполох, что поначалу вину за ужасную смерть Барстоу, тело которого обнаружили на пустынной дороге, ведущей к соседней деревне, поспешили свалить на кого-то из больных, сбежавших в возникшей суматохе. Несчастный санитар почему-то не стал дожидаться утра – возможно, им двигало недоброе предчувствие скорого кошмара – и покинул клинику пешком, с чемоданом в руке, вскоре после одиннадцати вечера. Барстоу скорее всего успел дать отпор нападавшему: возле его бездыханного тела была найдена черная телескопическая трость с серебряным наконечни-

ком (в боевом состоянии она превращалась в девятифутовую острую пику). Увы, попытки санитара отстоять свою жизнь оказались тщетными.

Как только обнаружилось тело Барстоу, в срочном порядке был произведен подсчет обитателей клиники, живых и мертвых. Вскоре сомнения в надежности клиники отпали сами собой. Впрочем, уродливый санитар явно стал жертвой какого-то маньяка. Ни один нормальный человек, как, впрочем, и ни один зверь, не смог бы так изуродовать его – в частности, отгрызть ему половину головы!

Короче говоря, события ночи с первого на второе января 1936 года могли бы стать отдельной главой в книге Мартина Спеллмана – если бы, разумеется, он довел работу до конца. Увы, книга так и осталась незавершенной, и Спеллман уже никогда ее не допишет. Пережив ужасную трансформацию, Мартин Спеллман, давно уже достигший зрелого возраста, по-прежнему занимает в Преисподней вторую палату слева. Даже в редкие минуты просветления он бормочет что-то невнятное, пускает слюну и вскрикивает, ибо практически постоянно находится под действием успокаивающих лекарств…

Рожденный от ветра

Я сочинил эту повесть в конце 1972 – начале 1973 годов. В Америке мои авторские права представлял Кирби Макколей. Повесть, объемом в двадцать пять тысяч слов, оказалась слишком длинной для публикации в журнале Эда Фермана «The Magazine of Fantasy and Science Fiction»*, и мне пришлось сократить ее до пяти тысяч слов. В период работы над ней я уже был штаб-сержантом и проходил службу в немецком городке Целле. По вечерам, да и в любое время суток, когда выпадала свободная минутка, я отдавал себя писательству. Эта повесть увидела свет в 1975 году, в декабрьском номере вышеупомянутого журнала, и тотчас удостоилась номинации на Всемирную премию фэнтези – полагаю, за оригинальность замысла. Увы, награды она так и не получила. Спустя два года «Рожденный от ветра» был опубликован в сборнике «Ужас в Оукдине». За последнюю четверть века повесть переиздавалась дважды и до сих пор остается одним из любимых моих произведений.*

I

Подумайте сами: я – уважаемый всеми метеоролог (вернее, был таковым до недавнего времени), человек, чьи инте-

ресы и образование далеки от мира фантазии и так называемых сверхъестественных явлений. И вот теперь я верю в ветер, который дует между мирами, и в Существо, обитающее в этом ветре. Вот оно шагает среди перистых облаков, вот его крик пронзает разрядами молний ледяное арктическое небо…

Как столь противоречивые взгляды могут уживаться в одном человеке – это я сейчас и постараюсь вам объяснить, потому что соответствующие факты известны лишь мне одному. Если я ошибаюсь в том, в чем почти уверен, – то есть то, чему я стал свидетелем, не более чем цепочка совпадений, на которую наложились жуткие галлюцинации, – что ж, вероятно, это поможет мне вернуться из ледяной пустыни в нормальный мир, в котором всегда проходила моя жизнь. Если же ошибки нет, – а, боюсь, так оно и есть, – то я конченый человек. В таком случае эта рукопись станет свидетельством неведомого доселе уровня бытия… и его обитателя, подобие которому можно найти лишь в легендах, чьи корни уходят в глубины прошлого на миллионы лет, в далекое и ужасное детство нашей планеты.

Мой интерес к этому существу возник совсем недавно, а если быть точным, всего два месяца назад, когда в начале августа я приехал в Нависсу, провинция Манитоба – официально для того, чтобы поправить здоровье после довольно продолжительного заболевания дыхательных путей.

Поскольку метеорология для меня одновременно и хобби,

и источник средств к существованию, то я, естественно, захватил с собой «работу». Нет, не в физическом смысле, потому что книг и инструментов у меня слишком много, чтобы брать их с собой; просто в моем мозгу существует что-то вроде небольшого отделения, где под замком хранятся наиболее интересные метеорологические проблемы. Также я захватил с собой блокноты, чтобы делать в них заметки по поводу тех или иных интересных метеорологических явлений в этом регионе, столь похожем на Арктику, – если вдруг найдет охота. Надо сказать, для человека вроде меня, посвятившего жизнь наблюдению за погодой – за ветрами и дождем, облаками и грозами, что рождаются в них, – Канада – настоящая находка.

В Манитобе в ясную ночь холодный воздух свеж и чист – он способствует исцелению слабых легких, и звезды смотрят на вас с кристальной ясностью; временами так и хочется протянуть руку, чтобы сорвать себе с небес пару штук. Сейчас именно такая ночь – хотя барометр сильно упал, и я боюсь, что вот-вот начнется снегопад. И хотя от печки идет тепло, пальцы мои ощущают божественный холод канадской ночи, ведь я снял рукавицы, чтобы удобнее было держать ручку.

До недавнего времени Нависса была лишь небольшим поселком, одним из многих, что начинались как торговые фактории, но разрослись до размеров настоящего города. Расположенная неподалеку от старого торгового тракта Оласси,

она лежит почти рядом с заброшенным городком Стилуотер, но о нем чуть позже…

Я остановился в доме судьи. Это было внушительное строение из красного кирпича с деревянным крыльцом и скошенной крышей, в духе швейцарского шале – в общем, один из современных домов, выросших в той части города, что ближе к горам. Судья Эндрюс уже на пенсии, родом он из Нью-Йорка и не стеснен в средствах. Старый друг моего отца, вдовец, с годами он развил в себе привычку к затворничеству. Как человек самодостаточный, судья не любит докучать другим людям, и, соответственно, ему тоже никто не докучает. Всю свою жизнь он увлекался антропологией и теперь, живя в этом далеком, малонаселенном краю, занимается изучением темных пятен науки. Это он, судья Эндрюс, узнав о моей недавней болезни, пригласил меня к себе в Нависсу на период выздоровления – отдохнуть и набраться сил, хотя к тому времени я уже практически оправился от недуга.

Разумеется, приглашение отнюдь не давало мне права вторгаться в его замкнутую жизнь. Это было бы неслыханной дерзостью. Вот почему большую часть времени я держался особняком, стараясь не попадаться ему на глаза. Конечно же, вслух это требование высказано не было, однако я понимал: судье хотелось, чтобы так все и оставалось.

Я мог свободно бродить по дому, в том числе и пользоваться его домашней библиотекой. Именно здесь, в последние две недели моего пребывания в доме судьи Эндрюса,

на глаза мне попались любопытные работы Сэмюеля Бриджмена, английского профессора антропологии, погибшего при загадочных обстоятельствах всего в нескольких милях от Нависсы.

Эта находка наверняка оставила бы меня равнодушным, не будь я знаком с некоторыми из теорий Бриджмена. Надо сказать, что из-за этих теорий он стал в научном мире чем-то вроде паршивой овцы – и неудивительно, поскольку многие из них не имели с наукой ничего общего. Зная, что судья Эндрюс принадлежит к числу людей, которые ценят в первую очередь твердые факты, не искаженные полетом чьей-то фантазии, я невольно задался вопросом: чем же заслужили работы эксцентричного Бриджмена место в его книжном собрании?

Я направлялся из небольшой библиотеки в кабинет судьи, чтобы задать ему этот вопрос, когда заметил, как из дома, оглядываясь по сторонам, вышла красивая женщина, чей возраст я тогда затруднился определить. Несмотря на ее стройность и относительную свежесть кожи, в волосах ее виднелась седина. В молодости она наверняка была весьма привлекательной, если не красавицей. Меня она не заметила – вернее, даже если и заметила краем глаза, то, будучи крайне взволнованной, не придала этому особого значения. Вскоре я услышал, как от дома отъехала ее машина.

Не решаясь переступить порог кабинета, я задал хозяину дома свой вопрос.

– Книги Бриджмена? – переспросил меня судья Эндрюс, оторвав взгляд от лежавших на столе бумаг.

– Я имею в виду работы Бриджмена из вашей библиотеки, – пояснил я, войдя наконец в кабинет. – Даже не подозревал, что они могут вас заинтересовать.

– Вот как? А я не знал, что вы увлекаетесь такими вещами, Дэвид.

– Ну, не то чтобы увлекаюсь… Просто кое-что слышал о нем, вот и все.

– Вы уверены, что это все?

– Э-э-э… ну да. А в чем дело?

– Гм, как сказать, – задумчиво произнес он. – Впрочем, ничего особенного – так, совпадение. Видите ли, женщина, которая только что вышла из моего дома, – это Люсиль Бриджмен, вдова Сэма. Она остановилась в «Нельсоне».

– Вдова Сэма? – признаюсь честно, я был заинтригован. – Так вы знали его лично?

– Разумеется, знал, причем довольно близко, хотя это и было много лет назад. А недавно я прочел его книги. Кстати, погиб он неподалеку отсюда.

Я кивнул.

– Насколько мне известно, при весьма загадочных обстоятельствах.

– Верно.

Судья вновь нахмурился и даже отодвинул стул. Он был явно чем-то взволнован.

Я подождал с минуту в надежде услышать что-то еще.

– И что же? – проговорил я, поняв, что продолжать он не собирается.

– Гм, – откликнулся судья Эндрюс. Его взгляд был устремлен в пространство, сквозь меня. – Что, что… да ничего, и вообще, я занят!

Он надел очки и погрузился в чтение.

Я понимающе улыбнулся и кивнул. Неплохо изучив привычки старика, я знал, что на самом деле означало столь резкое завершение разговора: «Если хочешь узнать больше, попробуй докопаться до истины сам». И с чего же приступать к разгадке этой тайны, как не с книг Сэмюеля Бриджмена! По крайней мере я хотя бы что-то узнаю об этом человеке.

Я уже повернулся, чтобы уйти, как судья произнес:

– Кстати, Дэвид, не знаю, какое мнение сложилось у вас о Бриджмене и его работах, но что касается меня, то как человек, чья жизнь почти подошла к концу, скажу, я и теперь не понимаю, где в них правда, а где выдумки. По крайней мере Сэму нельзя отказать в одном – смелости догадок!

Интересно, как я должен это понимать? И как отвечать на такую реплику? В общем, я лишь кивнул и вышел из кабинета, оставив судью наедине с его мыслями и книгами.

Вторую половину дня я провел в библиотеке, раскрыв на коленях том трудов Бриджмена. Всего в собрании хранились три его книги. Как оказалось, в них содержалось немало упо-

минаний об арктических и субарктических регионах, о населяющих их людях, их религиозных верованиях, суевериях и легендах. Тем не менее, даже если учесть, как мало я знал об этом английском ученом, в его трудах попадались абзацы, которые вызывали у меня неподдельное любопытство. Бриджмен писал об этих северных краях, здесь же он и погиб – загадочной смертью. Не меньшей загадкой представлялась мне и его вдова, которая сейчас, двадцать лет спустя после его гибели, вновь оказалась здесь и явно была чем-то взволнована, если не напугана. И что самое главное, старинный друг моей семьи, судья Эндрюс, явно не спешил распространяться о покойном английском антропологе – и, судя по всему, разделял его в высшей степени спорные теории.

Но что это были за теории? Если меня не обманывала память, они имели отношение к каким-то индейским и эскимосским легендам, в которых говорилось о боге арктических ветров.

На первый взгляд в книгах профессора почти не было ничего такого, что выходило бы за рамки обычного живого интереса этнологов и антропологов к подобного рода легендам. Однако автор, на мой вкус, слишком долго распространялся о Гао и Хотору, духах воздуха из преданий ирокезов и пауни, и особенно о Негафоке, духе холодной погоды у эскимосов. Чувствовалось, что он пытается увязать эти мифы с малоизвестной легендой о Вендиго, к которой у него явно было особое отношение.

«Вендиго, – писал Бриджмен, – это воплощение силы, образ которой донесли до нас сквозь века древние, как сам мир, предания. Этот великий „Торнасук“ – не кто иной, как сам Итаква, Шагающий с Ветрами, и для человека узреть его значит обречь себя на неминуемую смерть во льдах и снегах Севера. Владыка Итаква – по всей вероятности, самый великий и всесильный из духов воздуха – в начале времен пытался вести войну против Старших Богов. Сочтя это изменой, они изгнали его в холодную Арктику и межпланетное пространство, дабы там он „Вечно Шагал с Ветрами“ сквозь бесконечное время, вселяя ужас в души эскимосов, которые со временем научились смягчать его нрав молитвами и жертвоприношениями. Никто, кроме тех, кто возносит ему молитвы, не имеет права лицезреть Итакву; любой, кто дерзнет взглянуть на него, обречен на смерть. Итаква – это темный силуэт на небесах, антропоморфный по облику, почти человек, хотя есть в его облике и нечто звериное. Вот он шагает то в морозной мгле над землей, то высоко среди облаков, глядя алыми угольками глаз на копошащихся внизу представителей рода человеческого».

Отношение Бриджмена к другим, традиционным мифологическим фигурам было куда более прозаичным. В их случае он оставался в рамках традиционной антропологии. В подтверждение моих слов процитирую отрывок из одного его труда:

«Вавилонский бог грозы Энлиль имеет титул

„Повелителя Ветров“. Склонный к разного рода проделкам, непостоянный и вспыльчивый, он, согласно суевериям того времени, якобы разгуливал вместе с бурями и демонами песка».

А вот пример из еще одной легенды:

«Германская мифология рисует Тора как бога грома. Когда в небе собирались грозовые тучи и небеса сотрясали грозовые раскаты, люди знали, что слышат грохот боевой колесницы Тора, в которой тот разъезжает по небесным высям».

И вновь мне бросилось в глаза, что, хотя автор обходился с традиционными мифологическими фигурами с изрядной долей юмора, едва речь заходила об Итакве, подобных вольностей он себе уже не позволял. С другой стороны, говоря, например, про Та-тка, хеттского бога грома, он привел лишь сухое описание, дополнив его снимком найденной в горах Турции глиняной таблички с изображением этого божества. Более того, сравнивая Та-тка с Итаквой, он замечал, что нашел у этих божеств сходные черты, причем не только в звучании их имен.

Итаква, подчеркивал Бриджмен, оставляет в арктических снегах следы перепончатых ног, которые старые эскимосские племена боялись переступать. Та-тка (чье резное изображение было выполнено в стиле, напоминающем египетский «Амарна») на фотографии представал с глазами в виде звезд, сделанными из редкого минерала, темного карнелиа-

на, и с перепончатыми ногами! Доводы профессора Бриджмена о близости обоих божеств показались мне вполне обоснованными. Вместе с тем я легко мог представить, какую бурю негодования они могли вызвать у антропологов «старой школы». Как, например, можно отождествлять бога древних хеттов с божеством такого относительно молодого этноса, как эскимосы? Вопрос вполне разумный, если закрыть глаза на тот факт, что Итаква попал на север в своеобразную ссылку, после неудачной попытки свергнуть Старших Богов. Разве не могло быть так, что до мятежа Шагающий с Ветром расхаживал в небесных высях над Уром халдеев и древним Хемом, обитал в тех землях давным-давно, еще до того, как первые люди дали им названия? Тут я рассмеялся собственным фантазиям, вскормленным домыслами чудаковатого профессора-антрополога. И все-таки моему смеху не хватало искренности. Что ни говори, а чувствовалась все-таки в доводах Бриджмена некая холодная логика, благодаря которой даже самые невероятные из его предположений казались стройными, убедительными доказательствами…

А в том, что эти предположения невероятны, сомневаться не приходилось.

Самая тонкая из трех книг была полна ими через край, и я, одолев всего несколько страниц, понял, что именно этот полет фантазии и заставил коллег Бриджмена отвернуться от него. Тем не менее это было в высшей мере увлекательное чтиво, самая интересная из трех его книг, написанная едва

ли не с мистическим рвением и изобилующая – в самом прямом смысле этого слова – туманными намеками на какие-то едва заметные для наших чувств миры, полные ужасов и чудес – и время от времени соприкасающиеся с нашим, земным.

Я поймал себя на том, что не могу оторваться от этой книжки, настолько она увлекла меня. Действительно, за всеми этими домыслами и фантазиями скрывалась какая-то великая тайна – как айсберг, у которого видна лишь надводная часть. И я твердо решил не останавливаться, пока не найду полное подтверждение фактам, касающимся «дела Бриджмена» (так я стал называть про себя всю эту историю). Действительно, почему бы нет? Лучшего места для подобного расследования и не найти, ведь именно здесь погиб знаменитый профессор – в непосредственной близости от региона, где, по его словам, обитало некое мифологическое существо. К тому же судья Эндрюс – его, конечно, еще нужно разговорить – располагает какими-то сведениями о жизни этого человека. Возможно, мне удастся найти общий язык и с вдовой ученого, которая как раз находится в нашем городке…

До сих пор не могу понять, что побудило меня взяться за это расследование. Наверное, все дело в том, что Та-тка, в котором Бриджмен видел двойника Итаквы, на табличке ступал перепончатыми лапами по странной смеси слоисто-дождевых и кучевых облаков – такое сочетание, как правило, предшествует обильному снегопаду или сильным гро-

зам. Древний создатель этой таблички неплохо изучил владения Шагающего с Ветром, отчего это мифическое существо стало мне по-своему родным – хотя, сказать честно, мне были куда понятнее и ближе эти зловещие облака, нежели обитавшее в них существо.

II

Признаюсь со всей откровенностью: я был потрясен, когда, взглянув на наручные часы, обнаружил, что просидел над сочинениями Бриджмена не только вторую половину дня, но и часть вечера. Глаза мои болели, ведь мне постоянно приходилось их напрягать: с каждой минутой в библиотеке становилось все темнее и темнее. Я зажег свет и наверняка вернулся бы к прежнему занятию, если бы до меня не донесся негромкий стук во входную дверь. Дверь в библиотеку была приоткрыта, и поэтому я услышал, как судья отозвался на стук и ворчливо поздоровался с поздним гостем. Я готов был поклясться, что ответивший ему голос принадлежал вдове Бриджмена – да и кому еще он мог принадлежать? Беспокойство пронизывало его насквозь. Гостья прошла в дом и вместе с судьей направилась в кабинет. Что ж, я хотел с ней познакомиться – и вот она, возможность.

Тем не менее, дойдя до приотворенной двери в кабинет, я остановился, а потом тихонько, на цыпочках, отошел в сторону. Мне показалось, что судья Эндрюс и его поздняя го-

стья о чем-то спорят. Похоже, старику мгновение назад задали нелепый вопрос: «Только не я, дорогая моя, это совершенно исключено… Но если вы все-таки намерены упорствовать в своем безрассудстве, что ж, я найду вам кого-нибудь в помощь… Бог свидетель, я бы и сам отправился с вами – пускай это глупая авантюра, пускай ожидается сильный снегопад… но, дорогая моя, я ведь далеко не юноша. Мои глаза уже не те, что раньше, а ноги слабы. Боюсь, мое старческое тело подведет вас, причем в самую неподходящую минуту. Во время снегопада северные районы – не самое лучшее место».

– В этом ли дело, Джейсон, – донесся до меня голос вдовы Бриджмена, отмеченный все теми же нервными полутонами, – или в том, что вы считаете меня сумасшедшей? Ведь когда я приходила в предыдущий раз, вы так прямо и заявили!

– Прошу простить мою несдержанность, Люсиль. Но давайте посмотрим правде в глаза. То, о чем вы мне рассказали, это ведь… из области фантастики! Доказательств, что парень ушел именно в том направлении, у нас нет. Только ваши догадки.

– Я рассказала вам чистую правду, Джейсон! А что касается моих, как вы выразились, «догадок», то у меня имеются кое-какие доказательства. Взгляните вот на это…

Последовала небольшая пауза, после чего судья заговорил снова.

– Но что это такое, Люсиль? – негромко поинтересовался он. – Одну минутку, надену очки. Гм, похоже, тут изображен…

– Нет! – раздался ее пронзительный возглас, не давая судье договорить. – Прошу вас, только не упоминайте *Их*, не произносите Его имени!

В ее голосе зазвучали истерические нотки. Впрочем, продолжила она уже более ровным тоном:

– Что касается этого предмета, – до меня донесся металлический звон, словно на стол бросили монету, – прошу, просто храните его у себя дома, и сами все увидите. Когда Сэма – вернее, его бедное, растерзанное тело – наконец нашли, он сжимал это в правой руке.

– Но ведь прошло двадцать лет… – произнес судья, умолк на секунду, а потом поинтересовался: – Это чистое золото?

– Да, но никто не знает, где и кем оно было отлито. За эти годы я показывала его нескольким экспертам, и всякий раз получала один и тот же ответ. Это очень древняя вещь, но какая культура ее породила, неизвестно. Не будь она отлита из золота, можно было бы подумать, что она внеземного происхождения. Но даже золото… оно тоже не совсем обычное. У Кирби есть точно такой же…

– Вот как? – В голосе судьи чувствовалось удивление. – И где же он его раздобыл? Судя по тому, что я вижу в увеличительном стекле, эта вещь, чем бы она ни была, огромная редкость!

– Думаю, вы правы, она действительно очень редкая и древняя – пережиток какой-то неизвестной нам эпохи. А какая она холодная на ощупь! В ней чувствуется холод океанских глубин, и если ее нагревать… впрочем, попробуйте сами. Но я скажу вам заранее, она хранит тепло совсем недолго. И мне известно, что это значит…

Кирби получил свой экземпляр по почте несколько месяцев назад, еще летом. Мы тогда были дома, в Мериде. Это на Юкатане. Вы же знаете, я осела там после… после того как…

– Да-да, знаю, можете не продолжать. Но кому взбрело в голову отправлять парню эту вещь? Да и зачем?

– Скорее всего так ему хотели *напомнить*… пробудить в нем все то, что я пыталась подавить. Я уже рассказывала вам о… о Кирби… о том, каким странным он был уже в раннем детстве. Я надеялась, что с годами это пройдет – увы, тщетно. Последний месяц, перед его исчезновением, был самым ужасным. Все началось после того, как он получил по почте этот талисман. Затем, три недели назад, он… в общем, он упаковал кое-что из вещей… – Женщина на минуту умолкла – думаю, чтобы немного успокоиться, потому что, судя по голосу, чувства переполняли ее. Я неожиданно для себя проникся к ней сочувствием.

– Кто послал ему эту вещь, я не знаю, могу только догадываться… однако на посылке был штамп Нависсы. Вот почему я здесь.

– Штамп Нависсы? – В голосе судьи слышалось непод-

дельное изумление. – Но с чего кому-то вспоминать историю, случившуюся двадцать лет назад? И в любом случае, кому взбредет в голову делать такой редкий и дорогой подарок совершенно незнакомому человеку?

Ответ на этот вопрос был произнесен почти шепотом. Я с трудом разобрал слова вечерней гостьи.

– Потому что наверняка есть и *другие*, Джейсон! Те люди в Стилуотере были не единственными, кто называл Его повелителем. Его культ… он до сих пор существует… должен существовать! Думаю, это сделал кто-то из них, кто-то выполнял приказ повелителя. А откуда взялся этот талисман… да откуда же еще, как не…

– Нет, Люсиль, это невозможно, – перебил ее судья. – Верить в такие вещи я отказываюсь. Если это правда…

– Безумие, какого нашему миру не вынести?

– Именно.

– Сэм говорил то же самое. Тем не менее он сам искал встречи с этим ужасом и даже взял меня с собой. И тогда…

– Да, Люсиль, мне известно, что – по вашим словам – случилось потом, но…

– Никаких «но», Джейсон. Я хочу вернуть своего сына. Помогите мне, если вам угодно – или не помогайте. Это ничего не меняет. Я сама разыщу его. Он здесь, больше ему быть негде. Если потребуется, я отправлюсь на его поиски одна, без чьей-либо помощи – пока еще не поздно!

В ее голосе вновь прорезались истерические нотки.

– Ну, в этом нет необходимости, – попробовал успокоить ее судья. – Завтра я первым делом найду кого-нибудь вам в помощь. Мы даже сможем подключить к поискам конную полицию. У них всего в нескольких милях от Нависсы зимний лагерь. Я завтра утром попробую дозвониться до них. Думаю, лучше поторопиться, потому что с первым же сильным снегопадом телефонная линия наверняка выйдет из строя.

– И еще кто-то должен помогать лично мне… У вас есть на примете надежный человек?

– Найду. Но, похоже, я уже знаю, кто это будет. И он с готовностью поможет вам. Он из достойной семьи и сейчас гостит у меня. Вы можете познакомиться с ним уже завтра…

После этих слов послышался скрип отодвигаемых стульев. Мне стало стыдно за это глупое подслушивание. Я быстро вернулся в библиотеку и закрыл за собой дверь. Спустя какое-то время, когда вечерняя гостья покинула дом, я вновь отправился в кабинет судьи Эндрюса. На этот раз я постучал в дверь и вошел лишь тогда, когда он крикнул «Войдите!». Старик расхаживал взад-вперед по комнате – он был явно взволнован.

Увидев меня, судья остановился.

– Ах, это вы, Дэвид. Присаживайтесь. У меня к вам будет одна просьба. – Он и сам устроился в кресле, беспокойно ерзая. – Даже не знаю, с чего начать…

– Начните с Сэмюеля Бриджмена, – отозвался я. – Я озна-

комился с его книгами. Признаться честно, они меня заинтересовали.

– Но откуда вам известно?..

Я почувствовал, что краснею – ведь я, стоя под дверью, подслушал их разговор. Тем не менее ответ нашелся:

– Я только что видел, как миссис Бриджмен вышла из дома. Думаю, речь пойдет о ее муже, но может статься, вы хотите поговорить и о ней самой.

Судья Эндрюс кивнул, взял со стола золотой медальон диаметром около двух дюймов и потер пальцами выпуклый рисунок.

– Вы правы, но…

– Да?

В ответ он тяжело вздохнул:

– Ну что ж, похоже, придется рассказать вам всю историю – или по крайней мере то, что известно мне… ничего другого мне не остается, если уж я рассчитываю на вашу помощь. – Он покачал головой. – Бедная, безумная женщина!

– Вы хотите сказать, она слегка… помутилась рассудком?

– Отнюдь, – поспешил поправиться судья. – Она, как и я, в здравом уме. Другое дело, что слегка… взбудоражена.

И тогда он рассказал мне все – от начала и до конца, завершив уже глубокой ночью. Постараюсь передать эту историю собственными словами. Судья говорил без передышки, а я слушал его, не перебивая. Этот рассказ лишь укрепил меня в намерении разгадать тайну Бриджмена.

– Как вы теперь знаете, – начал судья, – в юности мы с Сэмюелем Бриджменом были очень дружны. Люсиль я тоже знал – еще до того, как они поженились. Вот почему она спустя столько лет обратилась за помощью именно ко мне. Однако это чистое совпадение, что сейчас я живу в Нависсе, всего в нескольких милях от места гибели ее мужа.

Даже в молодости Сэм был бунтарем. Традиционные науки, включая антропологию и этнологию, его не интересовали – по крайней мере в их общепринятой форме. Мертвые и легендарные города, страны с экзотическими названиями, странные боги – вот что составляло его страсть. Я помню, как он сидел и предавался мечтаниям – об Атлантиде и Земле Му, Офире и Курдистане, о Г'харне и затерянном Ленге, о Р'льехе и других сгинувших странах, забытых именах из древних легенд и мифов. А ведь в это время ему бы работать на свое будущее… В конце концов будущее обернулось для него отнюдь не тем, о чем он мечтал…

Двадцать шесть лет назад он женился на Люсиль – и поскольку в ту пору, получив приличное наследство, располагал средствами, то мог себе позволить не работать в привычном смысле слова. Вместо этого Сэм всецело посвятил себя тому, что было близко и дорого его сердцу. С публикацией книг – особенно последней – он окончательно отвратил от себя коллег-ученых, занимавшихся науками, на которые он изливал свое «воображение». Именно в таких терминах они об этом и думали: фантазии, плод выпущенного на волю и не

знающего границ воображения, несущего хаос в устоявшиеся области вроде науки и теологии.

Со временем на него стали смотреть как на дурака, наивного клоуна, который подкреплял свои сумасбродные аргументы ссылками на труды Блаватской и абсурдные теории Скотта-Эллиота [2], на безумные писания Эйбона и корявые переводы Гарольда Хэдли Коупленда [3], игнорируя достоверные, хоть и прозаические факты, добытые учеными и историками.

Когда и почему Сэм увлекся теогонией этих северных широт, – в частности, верованиями индейцев и метисов, а также легендами эскимосов, обитающих еще дальше к северу, – мне неизвестно, однако в конце концов он и сам поверил в них. Особенно интересовала его легенда об Итакве, боге снега и ветра, или, как его еще называют, Шагающем с Ветром, Шагающем со Смертью или даже Шагающем Среди Звезд – сверхъестественном существе, которое якобы бродит среди ледяных ветров и турбулентных атмосферных потоков в небе над северными странами и прилегающими холодными морями.

Увы, его решение побывать в здешних краях совпало по времени с проблемами в нескольких окрестных поселках.

---

[2] Уильям Скотт-Эллиот – теософ, автор популярной в начале XX века книги «История Лемурии и Атлантиды» (1925).

[3] Персонаж придуман Лином Картером (1930–1988), одним из видных продолжателей Мифов Ктулху.

Происходило что-то странное. В эти края стали съезжаться тайные псевдорелигиозные группы (как правило, бродячие), желающие стать свидетелями «Великого пришествия». Странно, согласен, но известен ли вам хоть один уголок нашей планеты, где чокнутые не сбивались бы в организации – религиозные и так далее? А здесь, имейте в виду, этот вопрос всегда стоял остро.

Не спорю, некоторые из членов этих так называемых эзотерических групп были в целом разумнее среднестатистического индейца, полукровки-метиса или эскимоса. В основном они ехали из Новой Англии, из таких заштатных массачусетских городишек, как Аркхем, Данвич или Инсмут.

Впрочем, полицейские, расквартированные в Нельсоне, никаких мер не принимали – хотя бы потому, что такое здесь случается часто. Можно даже сказать, слишком часто. В данном случае предполагалось, что в Стилуотер и Нависсу эту разношерстную толпу привлекли странные события, которые происходили в самих городках и их окрестностях. Так, например, за пять лег до этого случилось несколько довольно странных исчезновений, а также необъяснимых смертей, обстоятельства которых так и не были раскрыты.

Я лично проделал небольшое расследование, но определенных результатов оно не дало. И даже если отбросить в сторону неподтвержденные догадки, уже сами цифры и факты – вот что удивительно! – внушают тревогу.

Так, например, все население Стилуотера неожиданно ис-

чезло за одну ночь! Вы не обязаны верить мне на слово – если хотите, можете покопаться в газетах. Статей было предостаточно!

А теперь прибавьте к этому еще с полдюжины легенд о гигантских следах на снегу, истории о странных алтарях, сооруженных в лесной чащобе в честь запретных богов, плюс существо, что летает на крыльях ветра и принимает человеческие жертвоприношения. Время от времени все это всплывает в здешних байках и легендах, и не приходится удивляться, что эти места на протяжении многих лет притягивали к себе всяких ненормальных.

Поскольку же Сэм Бриджмен тоже отличался странностями, вам будет нетрудно понять, что привело его в наши края, когда после пяти лет тишины здесь вновь подняли голову странные культы и связанные с ними суеверия. Именно таким образом и обстояли дела, когда он приехал сюда – причем не один, а с женой…

К северу от нас уже лежал глубокий снег, однако для Сэма это было не преградой. Он ни за что не успокоился бы, пока не убедился бы в истинности или ложности древних легенд. В качестве проводников они с женой наняли двоих смуглокожих франкоканадцев. Скажу честно, мне эта парочка сразу показалась подозрительной – и вот они-то повели его с Люсиль на поиски… чего? Преданий и мифов, детских сказок, страшилок?

В общем, они отправились на север, и, несмотря на по-

дозрительные физиономии проводников, Сэм вскоре решил, что не ошибся в выборе. Парочка отлично знала эту местность. Более того, оказавшись посреди северных снегов, проводники заметно притихли и уже ничем не походили на двух забияк, которых Сэм подобрал в местном баре. Но с другой стороны, был ли у него вообще выбор? Ведь если учесть, что на тот момент в округе творились странные вещи, мало кто из жителей Нависсы осмелился бы забраться так далеко от дома. Когда Сэм поинтересовался у своих проводников, почему они нервничают, те ответили, что всему виной «сезон». Не зима, пояснили они, а конкретный период мифологического цикла. Кроме этих слов, ему ничего не удалось из них вытянуть, отчего его любопытство разгорелось еще сильнее. От него также не укрылось, что чем дальше они продвигались на север, тем беспокойнее становились его проводники.

Затем, одной тихой ночью, когда они поставили палатки и развели костер, один из проводников спросил у Сэма, что, собственно, тот ищет среди снегов. Сэм заговорил про Итакву, Обитателя Снегов, однако ничего больше сказать не успел, так как при первом же упоминании Шагающего с Ветром франкоканадец наотрез отказался слушать дальше. Испуганный проводник вернулся к себе в палатку, и там у него разгорелся оживленный спор с напарником. Проснувшись на следующее утро, Сэм, к своему ужасу, обнаружил, что ночью проводники скрылись в неизвестном направлении, бросив их с женой на произвол судьбы. Более того, эти прохо-

димцы унесли с собой все съестные припасы! Все, что осталось у Бриджменов – палатка, одежда, которая была на них, спальные мешки да личные вещи. У них не было даже коробка спичек, чтобы развести костер!

И все же положение их оказалось не таким безнадежным. До сих пор погода благоприятствовала им, к тому же они успели отойти от Нависсы лишь на расстояние трех дневных переходов. Иное дело, что шли они далеко не прямой дорогой, поэтому, пустившись в обратный путь, Сэм выбирал направление практически наугад. Правда, он немного умел ориентироваться по звездам, и когда пришла ночь, с известной долей уверенности установил, что двигаются они на юг.

Сколь одинокими и беспомощными ни ощущали себя супруги, они, тем не менее, с самого первого дня почувствовали, что все-таки не одни в снежной пустыне. Время от времени они набредали на чьи-то странные следы, причем свежие. Их оставляли после себя какие-то неясные фигуры, которые, стоило Сэму их окликнуть, спешили укрыться среди снежных заносов и высоких елей. На второе утро, вскоре после того, как Бриджмены снялись с места (после ночи, проведенной под укрытием сосновой рощи), они наткнулись на растерзанные тела своих бывших проводников. Было видно, что те приняли мучительную смерть. В карманах одного их них Сэм нашел спички, и той ночью ему с женой по крайней мере удалось согреться – к тому времени оба они уже испытывали муки голода. Но среди подрагивающих теней, почти

на границе круга, очерченного пляшущими языками костра, все таились смутные, молчаливые силуэты – наблюдая за супругами, ожидая чего-то.

Сидя у входа в палатку, как можно теснее прижавшись друг к другу, Сэм и Люсиль негромко, едва ли не шепотом говорили о мертвых проводниках, строили предположения о том, как и почему те приняли столь ужасную смерть. А в тенях все мелькали бесформенные фигуры, вгоняя супругов в дрожь. Эта местность, решил Сэм, и впрямь есть не что иное, как владения Итаквы, Шагающего с Ветром. Временами, когда влияние древних ритуалов и таинств достигало пика, те, кто поклонялся снежному богу – индейцы, метисы, а возможно, и пришлый люд из нездешних мест, – собирались здесь, чтобы отправлять свои тайные церемонии в Его честь. Для человека со стороны, тем более не верующего, эта местность была запретной! Проводники были здесь чужаками. Сэм и Люсиль тоже…

Полагаю, что именно тогда у Люсиль стали сдавать нервы, что, впрочем, неудивительно. Жуткий холод и белое безмолвие, раскинувшееся на многие мили вокруг, редкие стволы сосен и елей, занесенных снегом, голод, который все сильнее давал о себе знать, и смутные фигуры, затаившиеся по периметру поля зрения и сознания… Прибавьте к этому жуткую участь их бывших проводников – кто поручится, что то же самое не случится и с ними самими? И еще тот неоспоримый факт, который Сэм уже не мог от нее скрывать: они

с ней… заблудились! Хотя они шли на юг, откуда им было знать, где, собственно, находится Нависса? Вдруг они отклонились в сторону? Да и вообще, хватит ли у них сил добраться до городка?

Думаю, что к тому времени Люсиль уже впала в бред, поскольку ее так называемые воспоминания о случившемся дальше наверняка есть не что иное, как галлюцинации, несмотря на все их правдоподобие. И кто знает, может, и бедняга Сэм был в том же состоянии! Как бы то ни было, на третью ночь, когда они, не сумев развести костер (спички успели отсыреть), принялись готовиться ко сну, события приняли еще более странный оборот.

Кое-как они сумели поставить палатку, и Сэм залез внутрь, чтобы приготовить более или менее сносный ночлег. Люсиль, хотя ночь уже вступила в свои права, оставалась снаружи и ходила вокруг палатки, пытаясь согреться. Неожиданно она крикнула Сэму, что видит вдали костры – к северу, востоку, югу и западу от них. В следующее мгновение она издала жуткий вопль, а на палатку откуда-то налетел порыв ледяного ветра, отчего температура резко упала. Сэм из последних сил бросился наружу. Люсиль он нашел лежащей в снегу. Она не смогла объяснить ему, что произошло, лишь невнятно бормотала: «Оно в небе, в небе».

Одному богу известно, как пережили они эту ночь. Воспоминания Люсиль неясны и противоречивы. По ее словам, она ощущала себя скорее мертвой, чем живой. Три дня и но-

чи посреди жуткой белой пустыни, совершенно без пищи и большую часть времени даже без тепла. Однако на утро следующего дня…

Как ни странно, на следующее утро все обернулось к лучшему. Судя по всему, их страхи – ужас перед смертью, если не от холода, так от рук убийц их проводников, – оказались напрасны. Сэм решил, что они вышли за пределы запретной территории. Теперь они не были нарушителями и могли рассчитывать хотя бы на какую-то помощь со стороны тех, кто тайком молился здесь своему повелителю Итакве. Очевидно, так оно и было, поскольку утром они нашли возле своей палатки жестянки с супом, спички, керосинку (вроде той, что украли у них несчастные проводники), ворох сухих веток и, наконец, загадочную записку, в которой говорилось: «Нависса находится в семи милях к юго-востоку отсюда». Костры, привидевшиеся Люсиль накануне, обернулись добрым предзнаменованием – словно сам Итаква посмотрел на них с небес и решил, что эти два заплутавших человеческих существа нуждаются в помощи…

К середине дня, подкрепившись горячим супом, согревшись и отдохнув, проспав целое утро возле костра, они были готовы завершить обратный путь до Нависсы – по крайней мере так им казалось.

Вскоре после того, как они двинулись в путь, началась легкая метель, но они упрямо продолжали идти вперед, пока не достигли невысоких, поросших соснами холмов, за которы-

ми, по прикидкам Сэма, лежала Нависса. Хотя вьюга с каждой минутой усиливалась, и стало заметно холоднее, они решили идти, пока не выдохнутся.

Однако не успели они начать подъем, как силы природы дружно восстали против них. Я проверил метеосводки – та ночь была самой ужасной в этих краях за много лет.

Вскоре стало ясно, что им ни за что не пройти сквозь буран – лучше переждать, пока тот не утихнет. Сэм уже надумал ставить палатку, как они вошли в густой хвойный лес.

Поскольку в лесу было тише, они решили еще немного пройти вперед. Вскоре, однако, снежная буря разыгралась с такой силой, что они поняли: нужно немедленно искать убежище. В этих обстоятельствах они набрели на нечто такое, о чем не могли даже мечтать.

Сквозь просветы между качающимися деревьями и снежную пелену то, что они увидели, сперва показалось им огромной бревенчатой хижиной, но по мере того, как они подходили ближе, стало ясно: перед ними огромная, сложенная из толстых бревен платформа. Три ее стороны были занесены толстым слоем снега, отчего она походила на бревенчатую избушку с плоской крышей. Четвертая же сторона, свободная от снега, являла собой идеальное убежище, под крышей которого они и поспешили укрыться от метели. Там, под огромной бревенчатой платформой, о назначении которой они по причине страшной усталости даже не задумались, Сэм зажег керосинку и приготовил суп. Оба были рады во-

время подвернувшемуся спасению, и поскольку снежная буря, судя по всему, утихать не собиралась, они достали спальные мешки и приготовились к отдыху. Оба уснули практически мгновенно.

Несчастье обрушилось на них позже той ночью. Какой смертью умер Сэм, остается только гадать, но я полагаю, что Люсиль была тому свидетельницей, и это зрелище доконало ее и без того измученные нервы. Безусловно, то, что она, по ее утверждению, видела в ту ночь, никак не могло произойти. Боже упаси.

Ее рассказ состоит из фрагментарных образов, которые трудно поддаются описанию и которые еще труднее выразить простыми словами. Она твердит о каких-то кострах, чьи лучи пронзали ночь, о «сборище у алтаря Итаквы», о злобном древнем эскимосском заклятии, вырывавшемся одновременно из сотни глоток, и о том, что ответило на это заклинание, привлеченное с небес призывами молящихся.

Я не стану вдаваться в подробности ее «воспоминаний», повторю лишь, что Сэм умер, и именно тогда, представляется мне, рассудок его бедной жены окончательно помутился. Однако есть все основания полагать, что даже после пережитого ужаса… Люсиль получила от кого-то помощь, потому что одна, в таком состоянии, она не прошла бы и нескольких миль. Тем не менее ее обнаружил уже здесь, в Нависсе, кто-то из местных жителей.

Ее отвели к местному врачу, и тот был откровенно удив-

лен: бедняжка хоть и промерзла до мозга костей, однако не погибла в белой пустыне. Прошло несколько недель, прежде чем ей рассказали о судьбе Сэма, обледенелое тело которого нашли в снегу.

Когда она стала выспрашивать подробности, ей рассказали, в каком состоянии был обнаружен труп ее мужа – жестоко растерзанный, он словно побывал в когтях дикого зверя или рухнул с большой высоты (а быть может, с ним произошло и то и другое). Официальное заключение было таково: по всей видимости, Сэм упал с высокого обрыва на острые скалы, после чего его мертвое тело оттащили на какое-то расстояние волки. Надо сказать, эта версия представлялась вполне правдоподобной: тело действительно несло на себе признаки падения с большой высоты, хотя поблизости не было никаких утесов или гор. Однако почему волки не съели его останки, объяснить никто так и не смог.

На этом рассказ судьи закончился, и хотя я еще минуты три сидел, ожидая его продолжения, мой собеседник молчал. Наконец я не выдержал и спросил:

– И она полагает, что ее мужа убил…

– Что его убил Итаква? Да, именно так, хотя она верит и в куда более неприятные вещи, представьте себе.

И он продолжил, словно хотел избежать новых моих вопросов:

– Скажу еще вот что. Во-первых, температура ее тела с тех пор остается аномальной. По словам Люсиль, медиков не пе-

рестает шокировать, что ее температура никогда не поднимается выше отметки, которая в случае любого другого человека означала бы смерть. По мнению врачей, это симптом сильного нервного расстройства, однако они никак не могут увязать этот факт с ее нормальным – во всех других отношениях – физическим здоровьем. И еще вот это. – Судья протянул мне медальон. – Пусть он пока побудет у вас. Его нашли на растерзанном теле Сэма – тот крепко сжимал его в руке. Люсиль его отдали вместе с другими вещами ее мужа. По ее словам, есть в этой вещи… нечто странное. Если это ее утверждение соответствует истине, вы наверняка заметите что-нибудь интересное.

Я принялся изучать медальон. На нем был малоприятный на вид барельеф – сцены битвы между какими-то монстрами, которых мог вообразить разве что гениальный художник в приступе помешательства. Потом я спросил:

– Это все?

– Пожалуй, да. Впрочем, нет, подождите. Ну, конечно же! Кирби, сын Люсиль. Видите ли, во многих отношениях он пошел в отца: капризный, нервный, питает склонность ко всякой эзотерике и, сдается мне, большой скиталец в душе. До сих пор матери удавалось держать его в рамках – так сказать, привязанным к земле. Как бы то ни было, он недавно пропал без вести. Люсиль полагает, что он отправился на север. По ее убеждению, парень намеревается посетить место, где погиб его отец. Не спрашивайте меня почему. В том, что

касается его отца, Кирби – сущий невротик. Возможно, это качество досталось ему от матери.

В общем, она намерена отправиться на его поиски и вернуть парня домой. Разумеется, если не найдется никаких свидетельств, что он в здешних краях, то вам там делать нечего. Однако если Кирби действительно бродит где-то здесь, то вы окажете мне великую услугу, составив Люсиль компанию и присмотрев за ней во время поисков. Одному Богу известно, что с ней станется, когда она после стольких лет вновь окажется посреди белой пустыни, с которой у нее связаны не самые лучшие воспоминания…

– Я выполню вашу просьбу, и даже охотно, – ответил я. – По правде говоря, чем больше я узнаю о Бриджмене, тем больше меня завораживает связанная с ним тайна. А ведь тайна все-таки есть, вы со мной согласны?

– Тайна? – Судья задумался над моими словами. – Белая пустыня – довольно странное место, Дэвид. Избыток снега и страданий подчас порождают фантастические иллюзии. Как миражи в пустыне… Посреди белого безмолвия люди порой видят сны наяву. И опять-таки еще этот пятилетний цикл – когда в здешних местах начинают происходить необъяснимые вещи… Лично я думаю, что всему этому имеется какое-то совсем простое объяснение. Тайна? Знаете, мир вообще полон тайн…

III

Той ночью я впервые соприкоснулся с необъяснимым, мистическим, потусторонним. А еще мне стало ясно, что этот странный пятилетний цикл влияет и на меня. Либо это так, либо я слишком туго набил желудок на ночь глядя…

Сначала мне привиделся сон о циклопических подводных городах, с их невообразимой планировкой и пропорциями; вскоре города растаяли, уступив место пугающей пустоте межзвездного пространства, сквозь которую я не то шел, не то плыл на скорости, во много раз превышающей скорость света. Туманности проплывали мимо меня, словно пузырьки в шампанском, странные созвездия вырастали передо мной, чтобы затем исчезнуть позади. Это парение (или прогулка) сопровождалось звуком тяжелой поступи, словно где-то рядом шагал некий чудовищный гигант. Помимо всего прочего я ощущал дуновение эфирного ветра, который разносил вокруг меня запах звезд и осколки планет.

Вскоре эти образы померкли, уступив место черной бездне. Я чувствовал себя мошкой, затерявшейся где-то во мраке мертвых эонов. А затем вновь появился ветер – нет, не тот, что доносил до меня пыльцу цветущих планет, а настоящий, с воем и свистом. Это был мощный ураган, который все кружился и кружился вокруг меня, пока наконец мне не стало дурно, и я испугался, что сейчас меня разорвет на мел-

кие куски. Тогда сон оборвался.

Проснувшись, я понял, почему мне приснился такой странный сон, этот кошмар, столь не похожий на все прежние. Там, снаружи, бесновался ураган; он свистел и завывал, заполнял своим ревом мою комнату, и я едва ли не кожей чувствовал, как на крыше стучит, грозя оторваться и улететь прочь, черепица.

Я встал с постели и подошел к окну. Осторожно отодвинув занавеску, я выглянул на улицу – и тотчас отшатнулся, открыв от удивления рот. Из горла моего вырвался крик. Там, за окном, ночь была тиха… более того, ни разу мне еще не доводилось видеть столь тихой ночи. На небе, яркие и ничем не замутненные, мерцали звезды, и даже легкий ветерок не шевелил лап небольших елей в саду перед домом.

Я отпрянул от окна. Окруженный ревом и свистом – источник которых, очевидно, находился здесь же, в моей комнате, хотя я не чувствовал никаких дуновений воздуха, и ничто, даже занавески, не колыхалось под его порывами, – я случайно задел медальон, который перед сном положил на подоконник. Темно-желтый диск со звоном упал на гладкий пол, и в то же мгновение рев исчез, и осталась только звенящая тишина. Какофония безумного ветра не «стихла», она в буквальном смысле «выключилась».

Я нагнулся и трясущейся рукой подобрал медальон с пола. Хотя в комнате было тепло, тот казался чуть ли не ледяным на ощупь. Я машинально поднес медальон к уху – и на

какое-то мгновение, словно звук прибоя в морской раковине, уловил далекий шум ветра, дующего далеко-далеко, где-то на самом краю мира.

Утром мне стало ясно, что все это, разумеется, был сон – не только подводные и космические грезы, но и то, что якобы произошло после моего «пробуждения». Тем не менее я поинтересовался у судьи, не слышал ли он ночью каких-то странных звуков – и получил отрицательный ответ. Признаюсь честно, у меня тотчас отлегло от сердца.

Через три дня, когда всем уже стало казаться, что опасения Люсиль Бриджмен относительно ее сына совершенно необоснованны, – несмотря на все ее попытки доказать обратное, – пришла весточка от полиции Еловой Долины. Оказывается, двое свидетелей видели некоего молодого человека, по описанию похожего на Кирби Бриджмена. Он был замечен в компании какого-то сброда, как пришлого, так и местного, который облюбовал себе для жилья развалины Стилуотера. Очевидцы – двое немолодых уже, но несгибаемых золотоискателей – в последний раз перед наступлением холодов отправились на разведочные работы и по пути наткнулись на этого юношу. И хотя стариков приняли в Стилуотере не с распростертыми объятиями, они, тем не менее, успели заметить, что молодой человек пребывал в состоянии ступора или транса и что другие относились к нему с явным

почтением, удовлетворяя все его нужды и заботясь о нем.

Именно состояние, в котором находился тот парень (похоже, у него было не все в порядке с головой), заставило меня при первой же подвернувшейся возможности тактично расспросить о Кирби его мать. Правда, последние два дня я большую часть времени учился обращаться со странным транспортным средством, которое судья называл «снежной кошкой» – моторизованными санями довольно приличных размеров и вполне современного вида. Это чудо техники судья взял напрокат у одного своего приятеля специально для миссис Бриджмен. Сани производили впечатление надежного и экономичного транспортного средства; в соответствующих условиях они могли перевозить двух взрослых людей и запасы провизии – по снежной поверхности – со скоростью до двадцати миль в час. Кроме того, они были пригодны и для езды по обычной земле, только с меньшей скоростью. Имея в своем распоряжении такой аппарат, два человека могли легко покрывать в день расстояние до ста пятидесяти миль, причем с комфортом и в условиях рельефа, который не преодолеть ни одному автомобилю.

На следующее утро мы оседлали нашу «снежную кошку». Хотя мы планировали возвращаться в Нависсу каждый второй или третий день, у нас было довольно запасов, чтобы при необходимости продержаться как минимум неделю. Первым делом мы направились в Стилуотер.

Из-за ночного снегопада тропа, которая привела нас к пу-

стому городу, оказалась погребенной под рыхлым снежным покрывалом, почти в целый фут толщиной, однако и без того было понятно, что эта проселочная дорога (в некоторых местах не более чем узкая тропинка!) находилась в ужасном состоянии. Мне тотчас вспомнились слова судьи о том, что после странных событий двадцатилетней давности мало кто теперь осмеливается ездить в Стилуотер – иначе чем еще объяснить жалкое состояние дороги?

В Стилуотере мы застали констебля конной полиции, который как раз собирался назад в Еловую Долину. Он приехал в пустой город специально для того, чтобы проверить историю пожилых золотоискателей. Полицейский представился как констебль Макколей и показал нам город, который возвели когда-то из массивных бревен.

Были здесь и магазины, и жилые дома, и даже обветшалый «салун» на главной улице. За фасадами зданий прятались постройки более скромного вида. Теперь же главная улица заросла травой, которая пробивалась даже сквозь слой снега. В отсутствие обитателей даже самые прочные дома с годами пришли в негодность. Менее стойкие постройки и сараи во втором ряду стояли, накренившись вбок, как пьяные. Прогнившие дверные косяки с облупившейся краской при малейшем прикосновении грозили рухнуть, увлекая за собой в снег все шаткое сооружение. Кое-где в домах оставались целые окна, однако большинство рам давно перекосилось, так что по большей части в них торчали лишь острые

осколки стекла, напоминающие черные оскалившиеся пасти с острыми зубами. Тут и там на морозном ветру колыхались грязные, прогнившие обрывки оконных занавесок. И хотя день был довольно солнечным, атмосфера в Стилуотере стояла сумрачная. Чувствовалось, что в этом городе-призраке явно не все ладно, что затаилась в нем некая угроза, которая словно накинула на него черный плащ.

В целом, хотя и прошло уже двадцать лет, как жители города загадочным образом исчезли, он приходил в упадок слишком уж быстро, точно некие темные силы стремились вернуть это место в исходный вид. На главной улице уже выросли деревья, а на подоконниках, вдоль фасадов и в черных провалах, где прогнившие доски нижних этажей вывалились на улицу, пробивалась трава.

Миссис Бриджмен словно ничего этого и не замечала – лишь то, что ее сына в городе больше нет… Да и был ли он здесь вообще?

В самом большом из сохранившихся зданий, таверне, которой повезло в борьбе с упадком чуть больше других, мы сварили кофе и разогрели суп. Быстро обнаружились признаки того, что до нас здесь уже кто-то успел побывать: в одной из комнат на полу валялись пустые бутылки и банки, явно опустошенные совсем недавно. Этот мусор плюс черные следы огня, разведенного в углу, однозначно свидетельствовали о том, что зданием воспользовалась группа из нескольких человек, о чьем присутствии доложили золотоискатели.

Полицейский заметил, что тут ужасно холодно, и после его слов мне показалось, будто внутри таверны действительно стало еще холоднее (хотя здесь должно было быть пусть не намного, но все-таки теплее, чем на улице). Я уже хотел озвучить мою мысль, как миссис Бриджмен внезапно побледнела, отставила кружку с кофе и поднялась со своего шаткого стула.

Она посмотрела сначала на меня – странным, пронзительным взглядом, – затем на констебля Макколея.

– Мой мальчик был здесь! – резко и очень уверенно сказала она. – Кирби был здесь!

Констебль пристально посмотрел на нее, затем изучающим взглядом обвел комнату.

– Что подсказало вам такую мысль, миссис Бриджмен?

Женщина отвернулась и какое-то время молчала. Казалось, она прислушивалась к какому-то далекому звуку.

– Неужели вы не слышите?

Констебль Макколей покосился в мою сторону и нахмурился. В комнате воцарилась тишина.

– Что я должен слышать, миссис Бриджмен? О чем вы?

– Ветер! – ответила она, глядя куда-то в пустое пространство. – Ветер, который дует между мирами!

Спустя полчаса мы были вновь готовы двигаться дальше. Перед этим полицейский отвел меня в сторону и поинтересовался, не разумнее ли будет отменить поиски, учитывая

состояние миссис Бриджмен. По его мнению, она была слегка не в себе. Что ж, вполне возможно. Если хотя бы часть того, что рассказал мне судья, соответствовала истине, у бедной женщины имелся не один повод слегка подвинуться рассудком. Однако поскольку на тот момент настоящий предмет ее волнений был мне неизвестен, я выбросил из головы все эти странности. Я рассказал полицейскому про ее отношения с сыном, которые, на мой взгляд, со стороны миссис Бриджмен отличались какой-то патологической озабоченностью. По правде сказать, у меня и впрямь сложилось такое впечатление, – но это не объясняло еще одной вещи.

Я не стал говорить о ней полицейскому. Во-первых, это его не касалось, а во-вторых, мне меньше всего хотелось, чтобы он и меня счел «слегка не в себе». Дело было вот в чем: в полуразвалившейся таверне – когда миссис Бриджмен спросила: «Неужели вы не слышите?» – я действительно кое-что услышал. В ту минуту я запустил руку в карман парки за пачкой сигарет. Однако пальцы нащупали странный медальон, от которого исходил холод. Я почувствовал прилив странной энергии, словно электрическая «щекотка» мгновенно обострила все мои чувства. Ощутив холод межзвездного пространства, я носом уловил, как и во сне, запах неизвестных миров; на считаные мгновения передо мной открылись головокружительные горизонты, и невероятные эоны, мерцая, проносились мимо… Я тоже услышал этот ветер – *осмысленное* завывание, доносящееся откуда-то из-за пре-

делов известной нам вселенной.

Видение длилось считаные доли секунды, и позднее я в мыслях не возвращался к нему. Несомненно, стоило мне потрогать медальон, как в мозгу тотчас ожили отголоски того сна, что столь глубоко запал в мою душу. Это было единственное убедительное объяснение…

* * *

По моим подсчетам, к пяти часам пополудни мы находились где-то в пятидесяти милях к северу от Стилуотера. Именно здесь, с подветренной стороны невысокого холма, густо поросшего изнывающим от снега хвойным лесом, миссис Бриджмен решила устроить ночлег. Подморозило, и снег успел покрыться тонкой хрустящей коркой. Под сосной, чьи ветви образовывали нечто вроде шалаша, я поставил две крошечные палатки, затем развел огонь и приготовил ужин.

Я решил, что наступил подходящий момент тактично расспросить миссис Бриджмен о кое-каких местах ее рассказа, которые оставались мне неизвестны. Но тут, словно мне и без того не хватало загадок и тайн, случилось нечто, отчего в моей памяти всплыли слова судьи.

Мы закончили ужин, и я приготовил свою палатку ко сну – разложил спальный мешок и подгреб снега к стенкам, чтобы ночью не поддувало. Я предложил помощь и моей спутнице, но она сказала, что позаботится о себе сама. Ей, де-

скать, хотелось «глотка свежего воздуха». Уже одной этой фразы хватило, чтобы меня озадачить (воздух и без того был более чем свеж!), но в дополнение к ней миссис Бриджмен сбросила парку и осталась стоять в одном свитере и брюках, после чего шагнула из-под низко нависших ветвей в холод наступающей ночи.

Я сидел, укутанный в теплую парку, и, дрожа, наблюдал за ней из нашего импровизированного укрытия. Примерно с полчаса она бродила туда-сюда по снегу, время от времени поднимая глаза к небу, а затем вновь устремляла взгляд в наступающую темноту. Неожиданно до меня дошло, что я вот-вот окоченею, так и не дождавшись, пока миссис Бриджмен вернется в лагерь. Поэтому я встал и, взяв вторую парку, на негнущихся ногах подошел к женщине. Наверное, думалось мне, она уже почти оцепенела от холода. Ругая себя за равнодушие, я шагнул к моей спутнице и набросил ей на плечи парку. Представляете мое изумление, когда она обернулась ко мне и одарила меня непонимающим взглядом. Похоже, миссис Бриджмен совсем не замечала холода, и мой заботливый жест ее несказанно удивил.

Однако в этот момент до нее, по-видимому, дошло, что к ночи ударил мороз. Упрекнув меня за то, как я легко одет, женщина поспешила вместе со мной к бивуаку. Здесь она быстро вскипятила воды и сварила кофе. Правда, сама она не сделала и глотка этого бодрящего, согревающего напитка. Я же был настолько поражен ее нечувствительностью к хо-

лоду, что от растерянности тут же позабыл все вопросы, которые намеревался задать. Поскольку миссис Бриджмен наконец-то решила расположиться на ночлег, а в моей палатке уже стыл теплый спальный мешок, я просто допил кофе, выключил походную горелку и отправился к себе.

Неожиданно меня сморила усталость, и последним, что запомнилось мне, прежде чем я провалился в сон, был клочок неба, видневшийся сквозь ветви, а на нем россыпь мерцающих звезд. Судя по всему, эта картина и окрасила мои сновидения в характерные тона. Звезды снились мне всю ночь – правда, грезы эти оказались не из приятных. Звезды, которые я видел во сне, светились разумом и составляли пары, словно глаза; они светились красным светом на фоне шевелящейся черноты, которая почему-то наводила на неприятную мысль, что за всем этим кроется нечто огромное и ужасное…

За завтраком – бутерброды с сыром и помидорами, которые мы запивали сначала кофе, а затем фруктовым соком, – я вскользь упомянул о нечувствительности миссис Бриджмен к холоду. Она подозрительно посмотрела на меня и сказала:

– Уж поверьте, мистер Лотон, я бы, не раздумывая, отдала все, что у меня есть, лишь бы хоть на мгновение ощутить холод. Это… болезнь, чрезвычайно редкая болезнь, которую я подхватила здесь, на севере. Она проявила себя также и в…

– Кирби? – предположил я.

– Да. – Она вновь посмотрела на меня, на этот раз пристальнее. – И что же поведал вам обо мне судья Эндрюс?

Ее слова застали меня врасплох, и я не сумел скрыть своей растерянности.

– О том, как… как погиб ваш муж и…

– Что он рассказал о моем сыне?

– Почти ничего. Видите ли, миссис Бриджмен, судья не из числа любителей сплетен…

– А вам кажется, что ему было о чем посплетничать?

Неожиданно она разозлилась на меня.

– Мне известно лишь одно: что сейчас я здесь, с вами, помогаю одинокой женщине найти ее сына; не задавая лишних вопросов, повинуюсь ее внутреннему голосу и всем ее причудам, и это лишь потому, что не смог отказать в любезности одному старому джентльмену. Говоря откровенно, мне видится здесь большая тайна… а тайны, признаюсь, – моя большая страсть. Но клянусь вам, в моем любопытстве нет злого умысла. И все, чего я хочу, так это помочь вам.

На какое-то мгновение миссис Бриджмен отвернулась, словно бы в раздражении, однако когда она вновь посмотрела на меня, лицо ее было уже почти спокойно.

– Скажите, судья предупреждал вас, что нас может подстерегать… опасность?

– Опасность? Ну конечно, надвигается сильный снегопад, и…

– Я имею в виду не это. По крайней мере не снег. У судьи

в библиотеке есть книги моего мужа. Вы их читали?

– Разумеется, но какая опасность, скажите, может таиться в мифологии и народных преданиях?

Сказать по правде, я догадывался, к чему она клонит. Но лучше уж услышать признание из ее уст – в том виде, в каком «верит» в это она сама и «верил» до нее ее муж.

– Чего бояться мифологии и народных преданий, спрашиваете вы? – Она невесело улыбнулась. – Я и сама задала тот же вопрос Сэму, когда он решил оставить меня в Нависсе. Боже, почему я тогда его не послушалась! Какая опасность в народных преданиях! Что ж, не могу вам прямо сказать какая, иначе вы наверняка сочтете меня за сумасшедшую – как, например, судья. А скажу вот что: сегодня мы возвращаемся в Нависсу. На обратном пути вы можете показать мне, как управлять снегоходом. Я не имею права брать вас с собой навстречу ужасу, который вы даже представить себе не в состоянии.

Я принялся было с ней спорить, но она больше не произнесла ни слова. Мы молча снялись с бивуака, упаковали палатки и кухонные принадлежности, уложили их на снегоход, после чего миссис Бриджмен, несмотря на мои пылкие возражения, велела взять курс прямо на Нависсу.

Примерно с полчаса мы ехали довольно медленно, следуя течению замерзшей речушки, протекавшей посреди молчаливого хвойного леса, чья темная чаща казалась теперь еще темней из-за снега, укутавшего верхние ветви. Направив сне-

гоход в сторону от русла, в объезд небольшой рощицы, я случайно заметил нечто такое, что послужило веским доказательством правоты миссис Бриджмен, намекавшей на подстерегающие нас опасности.

В снегу виднелось довольно большое углубление, и мне потребовалась вся быстрота реакции, чтобы вырулить в сторону и не провалиться в снежную западню. Я остановил машину, и мы слезли со снегохода, чтобы поближе рассмотреть эту странную впадину.

Снега здесь нанесло больше, чем в других местах – фута на три-четыре, однако в самом центре углубления он слежался почти до самой земли, словно придавленный чьим-то гигантским весом. В длину углубление было около двадцати футов, в поперечнике семь-восемь, а формой напоминало…

Неожиданно в моем сознании всплыли слова судьи, перечислявшего свидетельства существования Итаквы, Шагающего с Ветром… в частности, *гигантские перепончатые следы на снегу*!

Нет, это просто смехотворно, и все же…

Я принялся расхаживать по периметру гигантского углубления и обернулся, лишь услышав крик миссис Бриджмен. Такой бледной ее видеть мне еще не приходилось. Она стояла, опершись на вездеход и прижав руку к горлу. Я тотчас поспешил к ней.

– Что с вами?

– Он… *он был здесь!* – прошептала она сдавленным голо-

сом.

– Ваш сын?

– Нет, не Кирби… *Он!* – И она указала в сторону гигантского углубления. Глаза ее были широко раскрыты. – Итак-ва, Шагающий с Ветром. Это его знак! А значит, может быть уже слишком поздно!

– Миссис Бриджмен? – Я, не надеясь на успех, попытался развеять ее страхи: – А не проще ли предположить, что здесь ночевали какие-то звери, и вокруг за ночь нанесло снега? Вот и получилось такое странное углубление.

– Мистер Лотон, прошлой ночью снегопада не было, – ответила она, на сей раз более спокойным тоном. – Но предложенное вами объяснение в любом случае невероятно. Если бы здесь ночевала стая животных, они наверняка оставили бы после себя следы, когда покидали это место ранним утром. Оглянитесь вокруг. Здесь не видно никаких следов. Нет, это отпечаток ступни нашего врага. Чудовище успело ночью побывать здесь. И сейчас где-то неподалеку находится мой сын. Кирби пытается отыскать Его – вместе с теми несчастными, что поклоняются Ему.

Я решил воспользоваться этим обстоятельством, чтобы не возвращаться в Нависсу. Если мы сейчас вернемся домой, я так и не найду разгадки этой истории – и никогда не смогу посмотреть в глаза судье, доверие которого не оправдал.

– Миссис Бриджмен, совершенно очевидно, что если мы и дальше будем двигаться на юг, то лишь напрасно потеря-

ем время. Лично я готов встретиться лицом к лицу с любой опасностью, которая может подстерегать нас здесь. Правда, пока я таковой не вижу. Тем не менее, если вашему сыну что-то угрожает, мы не сможем ему помочь, вернувшись в Нависсу. Думаю, лучше вам рассказать мне все как есть. Кое-что мне уже известно, но думаю, вам есть что добавить. А теперь послушайте. Топлива нам хватит еще на сто двадцать миль. Вот мой план: мы повернем на север и продолжим поиски вашего сына. Если мы не найдем его к тому времени, когда наши запасы истощатся наполовину, – что ж, тогда вернемся в Нависсу. Более того, я клянусь: пока вы живы, я никому не скажу ни слова из того, что вы мне сейчас поведаете. Или о том, с чем мы столкнемся во время наших поисков. А теперь хватит понапрасну терять время. Что скажете?

Миссис Бриджмен явно была в нерешительности. Пока она стояла, взвешивая все «за» и «против», я повернулся лицом на север и увидел, что небо затягивает мгла, верная предвестница непогоды.

– Небо все темнее и темнее с каждой минутой, – сказал я своей спутнице. – Будет сильный снегопад – возможно, уже сегодня вечером. Для нас действительно непозволительная роскошь терять время зря, если мы хотим отыскать Кирби до прихода бури. Скоро упадет барометр, и…

– Кирби мороз не страшен, мистер Лотон. Но вы правы, терять время нам никак нельзя. С этого момента наши привалы станут короче, и лучше бы вообще набрать скорость.

Я сегодня же расскажу вам, что мне известно… обо всем этом. Верить мне или нет, решайте сами, но я в последний раз предупреждаю вас: если мы отыщем Кирби, с ним найдем и ужас, какой вы даже не можете себе представить.

IV

Относительно погоды я оказался прав. Мы снова взяли курс на север, объезжая непроходимые леса, пересекая замерзшие реки и невысокие холмы. К половине десятого утра мы уже ехали сквозь довольно сильный снегопад. Заметно похолодало, но на наше счастье ветра почти не было. Все это время – хотя и будучи убежденным в бесцельности подобного занятия – я посматривал по сторонам: не виднеется ли где загадочных углублений в снегу?

Днем убежищем от непогоды для нас послужил густой лесок, верхние ветви которого переплелись, образовав нечто вроде снежного шатра. Под его сводом, пока мы готовили горячую пищу и уже за едой, миссис Бриджмен начала рассказывать мне про своего сына – о том, каким удивительным ребенком он был когда-то, о странных вещах, которыми он увлекся уже во взрослом возрасте. Однако самое первое ее признание оказалось и самым фантастическим. Судья был совершенно прав, полагая, что события двадцатилетней давности отразились на ее рассудке, – по крайней мере в том, что касалось ее сына.

– Кирби, – начала она без долгих предисловий, – Сэму не родной сын. Я люблю Кирби, но он отнюдь не дитя любви. Он рожден от ветра. Нет, пожалуйста, не перебивайте – избавьте меня от ваших рациональных доводов.

Можете ли вы понять меня, мистер Лотон? Думаю, нет. Признаюсь честно, поначалу я тоже думала, что схожу с ума, что случившееся – это просто какое-то наваждение, кошмар. Я так думала почти все время – пока не родился Кирби. Затем, когда он стал подрастать, моя уверенность в этом стала заметно ослабевать. Теперь же я доподлинно знаю, что не сошла с ума. Это было не наваждение, явившееся мне посреди снегов. Это чудовищная реальность! А почему бы и нет? Разве в мифологии народов мира мало историй о том, как бог возжелал простую смертную? В древние времена существовали всемогущие гиганты, мистер Лотон. Есть они и сейчас.

Помните экспедицию Венди-Смита в тридцать третьем году? Что, по-вашему, он нашел среди просторов Африки? Что заставило его произнести слова, которые я помню наизусть: «Бытуют удивительные легенды о существах, рожденных от звезд, которые населяли Землю за миллионы лет до появления человека и которые все еще таились в отдельных темных ее уголках, когда он заселил планету. По моему убеждению, эти существа сохранились на Земле и поныне».

Моя уверенность ничуть не слабее. В 1913 году в Данвиче у несчастной, полоумной женщины родились два монстра.

Сейчас уже ни того ни другого нет в живых, но в Данвиче до сих пор поговаривают об этом случае, и об их отце, который вряд ли принадлежал к человеческому роду. Из прошлого до нас дошло немало и других свидетельств – о существах и силах, которые в человеческом сознании разрослись до размеров божества. И кто возьмется утверждать, что хотя бы часть этих преданий не соответствует действительности?

А Итаква… что ж, боги стихий присутствуют практически в любой земной мифологии. Это неудивительно, ибо даже сегодня – и говорю я не об одном Итакве, Обитателе Снегов – над головами людей дуют порой странные ветры, вселяя в их души безумие и ужас. Такие, к примеру, как *фён*, южный ветер альпийских долин. Есть еще ветры подземных каверн – такие звучат в пещерах Калабрии. Известно, что услышав их, многие сильные духом спелеологи седели за одну ночь. Да что там седели! Теряли рассудок, превращались в полных идиотов! Что мы знаем об этих ветрах?

Человечество, мистер Лотон, – это не более чем гигантский муравейник, расположенный на краю бездны, называемой бесконечностью. А в бесконечности могут происходить какие угодно вещи, и кто знает, чем это завершится? Известны ли нам хоть какие-то *факты* – нам, существующим в крошечном уголке безграничной вселенной, этого пребывающего в непрерывном движении потока пространства и времени? В начале времен энергию звезд пили гиганты – существа, что шагали или парили в пространстве между мирами, засе-

ляя звездные системы и используя их в своих целях. Некоторые из них сохранились до сих пор. Каким человеческий род предстает в глазах этих существ? Я скажу вам каким: мы не более чем жалкий планктон в бескрайнем море пространства и времени!

Но я немного отклонилась от главной темы. Факты же таковы: еще до того, как я прибыла в Нависсу вместе с Сэмом, ему сказали, что он бесплоден… а уехала я из Нависсы – после того, как чудовище убило моего мужа, – уже беременной.

Разумеется, сначала я решила, что доктора ошиблись, что Сэм отнюдь не страдал бесплодием, – и подтверждением тому был мой ребенок, который родился через восемь месяцев после гибели моего мужа. Безусловно, если следовать обычной логике, то Кирби был зачат еще до того, как мы с мужем приехали в Нависсу. И все же беременность протекала тяжело, а новорожденный младенец являл собой странное, жалкое зрелище – хрупкий и подозрительно тихий. И хотя мне мало что было известно о детях, я почти мгновенно прониклась уверенностью, что мой сын родился… до срока.

Ножки его оказались крупными даже для мальчика, а между пальцами имелась розовая кожаная перепонка, которая с годами стала больше и плотнее. Прошу вас понять меня правильно – мой сын не был каким-то там уродом, по крайней мере внешне. Такая перепонка встречается и у других людей, а у некоторых ее можно увидеть даже на руках. Не считая ее, мой сын был во всех прочих отношениях нор-

мальным ребенком. Ну, вообще-то не во всех…

Еще не научившись ходить, Кирби уже говорил. Детский лепет, скажете вы. Да, но только не для меня. Это случалось, только когда он оставался один в колыбельке… и за окном дул ветер. Он слышал этот ветер и разговаривал с ним. Впрочем, в этом тоже нет ничего примечательного. У многих детей имеется привычка разговаривать с невидимыми товарищами по играм – людьми и созданиями, которых видят лишь они и никто другой. Вот только я прислушивалась к его лепету, и порой…

Могу поклясться, порой ветер отвечал ему!

Смейтесь надо мной, если хотите, мистер Лотон, – наверное, на вашем месте я поступила бы точно так же. Но в нашем доме всегда дул ветер, даже в часы, когда вокруг царило полное безветрие…

Мой сын рос, и теперь это случалась не так часто – хотя, возможно, я настолько к этому привыкла, что уже не обращала внимания. Не знаю. Но когда настало время идти в школу… знаете, об этом не могло быть и речи. Мой сын был такой мечтатель… Нет, только не подумайте, он не отставал в развитии, не был тугодумом – просто Кирби постоянно жил в мире своих фантазий! А еще он обожал ветер – хотя с годами и перестал вести странные разговоры со сквозняками.

Одной летней ночью, когда мальчику было семь лет, с моря налетел страшный ветер, который грозил снести с места наш дом. Северный ветер со стороны Мексиканского зали-

ва… не исключено даже, что из куда более дальних мест, как знать? В общем, я не на шутку испугалась – как, впрочем, и все в нашей округе. Столько силы, столько ярости было в этом ветре, что он напомнил мне… другой ветер, из прошлого. Кирби почувствовал мой страх. Странно, но он распахнул настежь окно и что-то крикнул. Он кричал прямо в лицо этому безумному, завывающему ветру. Можете себе это представить? Маленький ребенок – зубы оскалены, волосы развеваются – кричит что-то ветру, которому ничего не стоит подхватить его с земли и унести прочь…

И все же через мгновение ураган пошел на убыль. Кирби остался у окна, по-детски бранясь на отдельные порывы, которые еще не унимались. А потом пришла ночь – тихая, задумчивая.

В десять лет его заинтересовали модели аэропланов. Один из гувернеров всячески поддерживал и поощрял это его увлечение, даже помогал строить собственные модели. Видите ли, в развитии мой сын опережал других детей. Одна из созданных им моделей вызвала ажиотаж на выставке в местном клубе. Она была очень необычной формы: брюхо летательного аппарата было изогнутым и волнистым. Мотора модель не имела, а планировала в воздухе согласно изобретенному моим сыном принципу «воздушных волн». Я помню, в тот день другие члены клуба – и дети, и взрослые – поначалу смеялись над его моделью, заявляя, что она просто не способна удержаться в воздухе. Однако Кирби у них на глазах

поднял ее в небо, где она и оставалась около часа. Люди зачарованно глазели, как его планер бросал вызов силам земного притяжения. А затем, в наказание за их насмешки, он разбил модель вдребезги – и, словно конфетти, разбросал бальсовые планки и бумагу у ног удивленных зрителей. В нем заговорила гордость, хотя он и был, по сути, еще ребенок. Я лично при этом не присутствовала, но мне говорили, что когда Кирби разбил свой планер, инженер одной из компаний, занимающихся выпуском подобных моделей, плакал…

А еще он любил воздушных змеев. Кирби мог часами сидеть, наблюдая за повисшим в воздухе змеем.

Когда мальчику исполнилось тринадцать, он попросил купить ему бинокль, чтобы наблюдать за полетом птиц. Особенно интересовали его ястребы – как те парят в воздухе, словно бы неподвижно, если не считать быстрого хлопанья крыльями. Они тоже, казалось, шагали вместе с ветром…

А затем настал день, когда дали о себе знать более серьезные и тревожные стороны его страсти к ветру и полетам. Я давно уже переживала за Кирби, волновалась из-за его перепадов настроения, странной одержимости…

Мы отправились с ним в Чичен-Ицу. Мне казалось, что эта поездка заставит его на время забыть о других вещах. Скажу честно, имелась и другая цель. Дело в том, что когда-то я уже была в Чичен-Ице вместе с Сэмом. Приехав сюда снова, я надеялась заново пережить те счастливые дни. Я время от времени навещаю места, в которых бывала счаст-

лива с мужем… до того, как он погиб.

Но кое-чего я не учла. Среди древних развалин постоянно играют ветры. Да и сами руины – аура древности, странные письмена, предания о кровавых культах и ночных богах… знаете, все это… подчас вселяет беспокойство.

Кроме того, я забыла, что у майя имелся собственный бог ветра – пернатый змей Кетцалькоатль. Видимо, в этом и заключался мой главный просчет.

По дороге в Чичен-Ицу Кирби был молчалив и задумчив. Он оставался таким и тогда, когда мы прибыли на место и, немного отдохнув, принялись осматривать древние здания и храмы. Пока я любовалась какими-то руинами, Кирби успел вскарабкаться на высокий Храм Воинов, чей фасад украшают жуткие изображения пернатых змеев с оскаленными пастями и угрожающе задранными хвостами.

Как минимум два десятка людей, главным образом мексиканцев, видели, как он упал – или спрыгнул вниз. Позднее они рассказывали одну и ту же историю: как ветер подхватил его в воздухе; как он падал вниз, будто в замедленной съемке… Прежде чем сделать шаг в бездну, Кирби издал леденящий душу клич, словно призывая богов себе в помощь. И после этого ужасного падения с головокружительной высоты…

Это было сродни чуду, но он остался цел и невредим.

Мне кое-как удалось убедить начальство музейного комплекса, что Кирби, разумеется, свалился сам, – и унести его

прочь от этого места, пока он не пришел в себя. Да, я забыла сказать, что он потерял сознание. Такое – и всего лишь обморок!

Найти случившемуся разумное объяснение мне не удалось – по крайней мере выражению лица моего сына, когда я несла его прочь от злосчастной пирамиды. Вы не поверите, но на губах его играла странная довольная улыбка.

Это произошло вскоре после того, как ему исполнилось четырнадцать, то есть примерно в то же время, когда здесь, на севере, пятилетний цикл так называемых суеверий и массовой истерии вновь достиг пика… точно так же, как и сейчас. Лично я усматриваю здесь неопровержимую связь.

С тех самых пор – и я корю себя за то, что обнаружила это лишь недавно, – Кирби начал втайне от меня откладывать все деньги, какие только попадали ему в руки, для осуществления своих тайных планов. Теперь мне доподлинно известно, что он намеревался уехать сюда, на север. Понимаете, всю свою жизнь он следовал по пути, предначертанному ему судьбой, и не думаю, что в моих силах было что-либо изменить.

Некоторое время назад, по всей видимости, случилось нечто такое, отчего его потянуло на север, как магнитом. Теперь же… не знаю, чем это кончится, но я *должна*… должна все выяснить, раз и навсегда…

V

Вскоре после обеда мы снова были в пути. Метель налетала лишь изредка, нас слегка подгонял попутный ветер. Вскоре мы наткнулись на неоспоримые свидетельства того, что не одни в этой белой пустыне: наш путь под углом пересекали свежие следы, оставленные чьими-то снегоступами, и уходили в направлении невысоких холмов. Дальше мы решили двинуться по ним. Судя по всему, следы принадлежали группе из как минимум трех человек, а на вершине лысого холма к ним добавились другие. Здесь я остановил снегоход и сошел, чтобы осмотреться по сторонам. Как оказалось, сквозь легкий снегопад было как на ладони видно место нашей последней стоянки. До меня тотчас дошло, что с этого холма не составляло труда следить за нашими передвижениями.

Тут миссис Бриджмен потянула меня за рукав парки и указала куда-то на север. Повернувшись, я сумел различить на ослепительно белом фоне несколько темных точек, которые медленно двигались в сторону отдаленного соснового леса.

– Мы должны идти вслед за ними! – решительно сказала миссис Бриджмен. – Это наверняка члены Его Ордена, которые держат путь к месту своих церемоний. Среди них вполне может быть и Кирби!

В ее голосе я уловил какое-то лихорадочное возбуждение.

– Скорее, мы можем потерять их из виду!

Увы, мы действительно их упустили.

К моменту, когда мы достигли открытого участка, на котором миссис Бриджмен с холма заметила группу незнакомцев, люди уже успели скрыться в густом лесу, что высился плотной стеной в нескольких сотнях ярдов от нас. На опушке леса я вновь остановил мотосани. В принципе ничто не мешало нам двинуться по следам между деревьями, – как на том поначалу настаивала моя спутница, – но тогда пришлось бы оставить наш верный снегоход.

Я предложил вместо этого обогнуть лес по периметру, попытаться найти на его северной оконечности удобную точку – и оттуда вести наблюдение за теми, кто с приходом зимы предпочитает бродить по глухим лесам. Миссис Бриджмен с готовностью согласилась с этой, на вид здравой, идеей, и уже через час мы с ней притаились среди сосен, что росли чуть в стороне от лесной чащобы. Там мы с ней по очереди вели наблюдение за опушкой леса. Мне первому выпал черед стоять на посту, а миссис Бриджмен тем временем сварила кофе. Мы распаковали только нашу походную плитку, решив, что неразумно устраиваться на привал с полным комфортом – вдруг понадобится быстро сниматься с места.

Простояв минут двадцать на посту, я уже готов был поклясться, что норму по снегопадам небо на сегодня выполнило. И когда моя спутница принесла кофе, поделился с ней хо-

рошими вестями. Свинцовые небеса прояснились; насколько хватал глаз, нигде не было видно ни единого облачка… пока неизвестно откуда не налетел ветер!

Температура мгновенно упала. Волоски в моих ноздрях заледенели и потрескивали всякий раз, как я втягивал носом воздух. Остатки кофе в моей кружке замерзли в считаные секунды, мои брови тотчас покрылись белым морозным налетом. Я почувствовал, что, несмотря на теплую одежду, вот-вот окоченею, и поэтому поспешил в укрытие под ветвями деревьев. Ничего подобного мне в моей богатой практике метеоролога еще не случалось наблюдать. Снежная буря, которая разразилась в ближайшие полчаса, явилась для меня полной неожиданностью.

Посмотрев вверх, сквозь потяжелевшие от снега ветви, я сумел разглядеть, как в небесах «варится» странная смесь кучевых и слоистых облаков – и это при том, что еще несколько минут назад в небе не было ни единого облачка. Если утром небо просто хмурилось, то теперь оно было в ярости! Атмосфера давила на наши головы свинцовым грузом.

А затем повалил снег.

На наше счастье, хотя все говорило о том, что надо ждать страшной вьюги, ветер поначалу оставался умеренным. Зато какой снегопад обрушился на нас с небес! Он словно решил показать нам, что такое неконтролируемая стихия. Готов поклясться, было слышно, как мириады толстых снежных хло-

пьев, подгоняемые порывами ветра, падают, кружась, на землю.

Само собой, наблюдение за лесом стало совершенно бесполезным, если не откровенно невозможным, потому что видимость из-за снежного полога упала практически до нуля. Мы оказались в ловушке. С другой стороны, точно в такой же ловушке оказались и те, кто сейчас находился в лесу, – так называемые члены «Его Ордена», как выразилась миссис Бриджмен. Нам оставалось одно – ждать, когда закончится непогода… точно так же, как и им.

На протяжении последующих двух часов, примерно до пяти дня, я занимался тем, что из опавших веток и слежавшегося снега возводил вокруг нас защитную стену и в конечном итоге достиг своей цели: в наше убежище не проникали даже слабые порывы ветра. В центре защищенного участка, поближе к вездеходу, я развел костер. Что бы ни произошло, мне не хотелось, чтобы наше транспортное средство пострадало от низких температур.

Все это время миссис Бриджмен просто сидела рядом со мной в задумчивости, явно не замечая холода. Ее очень расстроило, что мы не можем продолжать поиски. Я же, хоть и был занят делом, продолжал размышлять о происходящем – и сделал для себя кое-какие, пусть даже предварительные выводы.

Истина заключалась в том, что во всей этой истории действительно было слишком много тревожных совпадений.

Кроме того, я и сам столкнулся с ощущениями, ранее мне неизвестными или вовсе чуждыми моей натуре. Я никак не мог выбросить из головы мысли о том диковинном сне, как и о тех странных ощущениях, которые накатывали на меня всякий раз, стоило мне дотронуться до желтого медальона, изготовленного не то из золота, не то из какого-то другого сплава.

А еще был очевидный, неопровержимый факт – его подтвердили и судья, и миссис Бриджмен, и даже полицейский Макколей: в этих краях действительно существовал загадочный пятилетний цикл, который вызывал к жизни таинственные культы и отвратительные ритуалы. И в который раз я задался вопросом: что же произошло здесь двадцать лет назад – и почему отголоски тех далеких событий коснулись и меня?

Разумеется, все было немного не так, как «запомнилось» миссис Бриджмен. И все же, если не считать ее первоначальной нервозности и пары вполне простительных срывов, она казалась совершенно нормальной женщиной.

Или это было лишь первое, поверхностное впечатление?

Я не знал, что и думать. Как объяснить эту ее загадочную нечувствительность к низким температурам? Как может она сидеть здесь и вглядываться в снежную пелену, бледная и отрешенная, не ощущая пронизывающего холода, уже украсившего морозным кружевом ее лоб и одежду, – и это при том, что она в очередной раз сбросила с себя тяжелую парку.

Впрочем, нет. Я ошибся. Просто удивительно, как мне удалось обманывать себя так долго. В этой женщине нет ровным счетом ничего от нормального человека. Ей было что-то известно – вот только что? Какое-то событие обособило ее и душевно, и физически от нас, простых смертных.

Может, все дело в пережитом ею «ужасе», как она выражалась? Но даже в это мне верилось с трудом.

И все же… что это был за след на снегу? Неужели отпечаток огромной перепончатой стопы? Я тотчас перенесся мыслями в ту первую ночь, когда мы с ней только вышли из Нависсы и мне приснился огромный силуэт в небе; силуэт, у которого вместо глаз горели огненно-красные звезды!

Нет, так дело не пойдет! Вы только посмотрите на меня – нервничаю, как котенок, вздрагиваю, чуть взметнется снег за стенами нашей «крепости». Я посмеялся над собственными страхами, хотя и не слишком убедительно, потому что на какой-то миг, стоило отвернуться от яркого пламени костра, мне показалось, будто в снежной пелене мелькнула тень, которая тотчас скользнула куда-то в сторону, за периферию моего зрения.

– Почему вы вздрогнули, мистер Лотон? – неожиданно подала голос моя спутница. – Вы что-то увидели?

– Да так, – поспешил я откликнуться, нарочито громким голосом, – в снегу мелькнула какая-то тень.

– Он там уже минут пять. За нами наблюдают!

– Что? Вы хотите сказать, там кто-то есть?

– Думаю, один из поклонников Его культа. Этого человека прислали на разведку товарищи – проверить, что мы с вами тут затеваем. Как понимаете, мы с вами здесь незваные гости. Однако я не думаю, что следует их опасаться, вряд ли они причинят нам какой-то вред. Кирби этого никогда не позволит.

Она была права. Порывом ветра снежные хлопья отнесло в сторону, и я разглядел человека – темную фигуру на фоне белого снега. Эскимос или индеец, издали было толком не разглядеть, но лицо его, полагаю, не выражало никаких эмоций. Он лишь… молча наблюдал.

* * *

А затем вьюга усилилась – ее мощные порывы гнали снег между деревьев сплошной стеной, сквозь которую ничего не было видно. За сооруженным мною барьером мы почти не ощущали на себе пронизывающего ветра, а все потому, что я продолжал возводить стену из снега и веток до тех пор, пока не образовалось кольцо с единственным отверстием на южной стороне. Ветер же дул с севера. Снег с внешней стороны барьера давно образовал мерзлую корку, поэтому никакой ветер к нам не проникал, а заледенелые ветви соседних деревьев надежно защищали нас сверху. Мой костер пылал и трещал, подражая стихии: я рискнул сделать несколько вылазок за стену и каждый раз приносил с собой по охапке су-

хих сучьев. Затем я на индейский манер разложил их вокруг костра, словно спицы в колесе, и теперь они горели, согревая и освещая наше небольшое убежище. Так они горели всю оставшуюся часть дня и весь вечер.

Примерно в десять часов, когда по ту сторону нашего укрытия уже стояла кромешная тьма, но по-прежнему валил снег, мы заметили второго незваного гостя. Первый тихо покинул свой пост незадолго до этого. Миссис Бриджмен увидела его первой и крепко схватила меня за локоть. Я тотчас вскочил на ноги и обернулся ко входу в убежище. Там, освещенный пламенем костра, белый от снега с головы до ног, стоял ночной гость.

Человек сделал шаг вперед, отряхивая с одежды снег. Он молча встал рядом с пламенем, отбросив назад меховой капюшон, затем снял рукавицы и протянул к огню руки. Брови его были черны и срослись над переносицей. Незнакомец был высок. Спустя пару минут, игнорируя мое присутствие, он заговорил, обращаясь к миссис Бриджмен. У него был сильный акцент уроженца Новой Англии.

– Кирби требует, чтобы вы возвращались в Нависсу. Он не хочет, чтобы вы пострадали. Говорит, вы срочно должны вернуться в Нависсу – оба, а оттуда должны уехать домой. Теперь ему все известно. Он знает, почему он здесь, и желает здесь остаться. Его судьба – овладеть пространствами между мирами, познать тайны Древних, что были здесь еще до человека. Он желает властвовать над холодными ветрами

Земли вместе со своим господином и повелителем. Он был вашим на протяжении двадцати лет. Теперь он желает свободы.

Я уже собрался спросить полуночного гостя, кто дал ему право разговаривать с нами таким тоном, однако миссис Бриджмен первая перебила его:

– Свободы? Какой свободы? Остаться здесь, в царстве холода? Бродить по снежной пустыне, пока любая попытка вернуться в мир обычных людей не станет означать для него верную смерть? Слушать легенды о чудовищах, рожденных в черной бездне вне пространства и времени? – В ее голосе вновь послышались истерические нотки. – Не знать женской любви, но удовлетворять похоть с незнакомками, а затем бросать их мертвыми и растерзанными, как мог научить его *только его отвратительный отец*?

Незнакомец в бешенстве поднял руку:

– Как вы смеете так говорить о Нем!

Я тотчас постарался прикрыть собой миссис Бриджмен, хотя, судя по всему, она не нуждалась в защите.

С ней произошла пугающая перемена. Еще пару мгновений назад она была на грани истерики. Сейчас же глаза ее сверкали гневом. Она встала, царственно распрямив плечи. Непрошеный гость тотчас отшатнулся назад и поспешил опустить руку.

– Как я смею? – Голос ее был ледяным, под стать ветру. – Я мать Кирби. Да я-то смею, а вот как посмели вы?.. Вы под-

нимаете на меня руку?

– Я… я… я просто вышел из себя, – пролепетал незнакомец, не сразу восстановив самообладание. – Впрочем, какая разница. Раз хотите, можете оставаться, но вам никогда не войти в священные пределы леса, где будут происходить ритуалы. Если же вы все-таки проникнете за запретную черту, последствия этого шага в буквальном смысле обрушатся вам на голову. С другой стороны, если вы сейчас вернетесь домой, я могу обещать вам хорошую погоду на всем пути до Нависсы. Но при одном условии: вы уйдете отсюда без промедления, прямо сейчас.

Миссис Бриджмен нахмурилась и отвернулась, глядя на угасающий огонь.

Незнакомец, похоже, решил, что сломил ее волю, потому что произнес проникновенным тоном:

– Подумайте, миссис Бриджмен, хорошенько подумайте. Потому что конец может быть только один – зачем мне вам объяснять, ведь вы воочию видели Итакву!

Миссис Бриджмен вновь повернулась к ночному гостю – чтобы засыпать его вопросами.

– Нам обязательно уходить сегодня ночью? Неужели мне нельзя хотя бы краем глаза взглянуть на сына? С ним будет…

– С ним все будет хорошо, – закончил за нее мужчина. – Ему предначертана великая судьба. Однако вы должны уйти отсюда сегодня ночью. Он не желает видеть вас, и вообще осталось так мало… – Неожиданно он умолк, словно при-

кусил язык, поняв, что проговорился, но миссис Бриджмен, судя по всему, и не заметила его оплошности. «Осталось так мало времени» – вот что он хотел сказать.

Моя спутница вздохнула и поникла.

– Если я соглашусь… нам нужна хорошая погода. Это… возможно?

Наш гость тотчас кивнул (хотя лично мне сама мысль о том, что кто-то в состоянии контролировать такую вещь, как погода, показалась просто смехотворной).

– С этой минуты и до полуночи снегопад стихнет, ветры тоже. Потом же… – Незнакомец пожал плечами. – Впрочем, к тому времени вы будете уже далеко отсюда.

Миссис Бриджмен кивнула, признавая свое поражение.

– Мы уедем. Дайте нам лишь какое-то время, чтобы собрать вещи. Всего несколько минут. Но…

– Никаких «но», миссис Бриджмен. Здесь уже побывал полицейский. Он тоже не хотел уходить. А теперь…

Он вновь пожал плечами, и этот жест говорил сам за себя.

– Макколей?

– Нет, этого звали не так, – ответил наш гость, – но кто бы он ни был, он тоже искал сына этой дамы.

Судя по всему, он имел в виду какого-то другого полицейского из Еловой Долины. Мне вспомнилось, как Макколей говорил о своем коллеге, который отправился на поиски одновременно с ним, но не в Стилуотер, а куда-то еще.

– Что вы с ним сделали? – спросил я.

Пропустив мой вопрос мимо ушей, он надел рукавицы и вновь обратился к миссис Бриджмен:

– Я подожду, пока вы не уйдете.

Он натянул на голову капюшон куртки и вновь шагнул в снегопад.

Этот короткий разговор совершенно меня ошарашил. Более того, изумление мое росло от минуты к минуте. Наш гость не только сознался – практически открытым текстом – в убийстве полицейского. Нет, если слух не обманул меня, то он с полнейшим спокойствием говорил о чудовищных кошмарах, которые до сих пор существовали – насколько мне известно – лишь в трудах Сэмюеля Бриджмена да паре-тройке других книг, чьи авторы разрабатывали эту тему еще до него, а также в болезненном воображении его вдовы. Что это, как не окончательное доказательство существования пятилетнего цикла, который каким-то зловещим образом сказывается на рассудке людей! Чем же это может быть еще? Наконец я повернулся к вдове и спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.